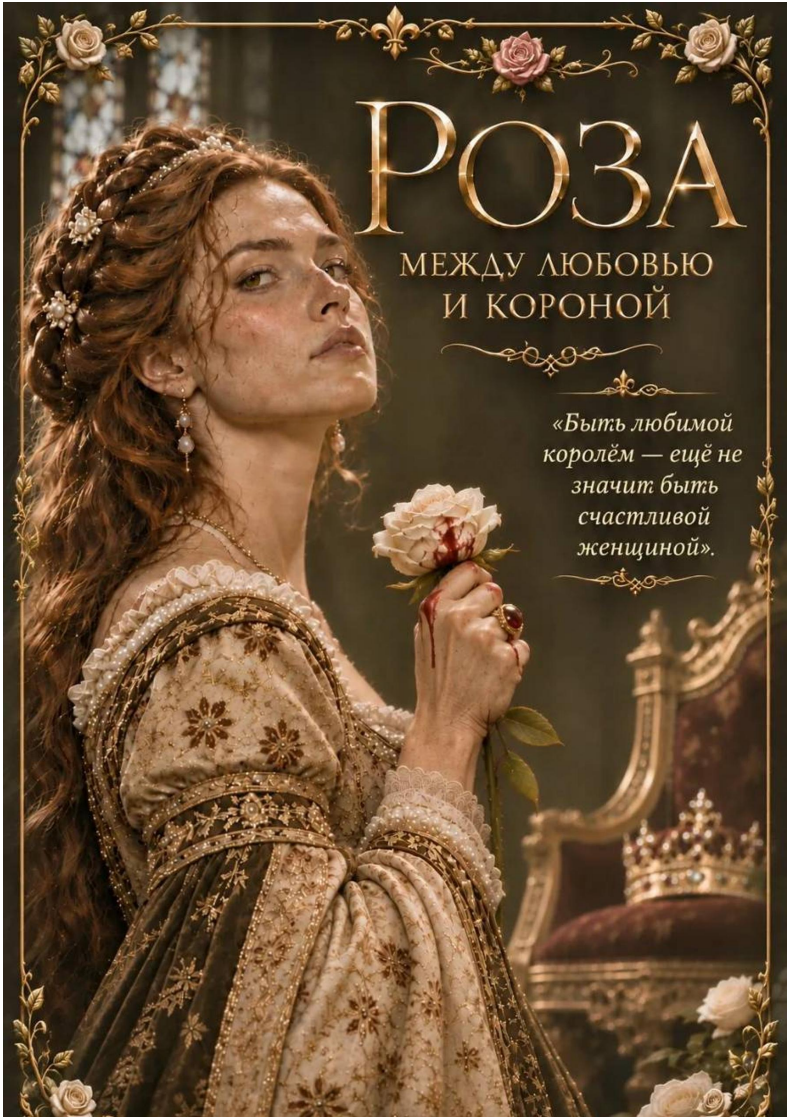

РОЗА
МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ
И КОРОНОЙ
«Быть любимой
королём — ещё не
значит быть
счастливой
женщиной».

Evangelina White
Роза. Между любовью и короной

https://litres.ru/74839269
SelfPub; 2026

Аннотация

Англия. XVI век. Эпоха роскоши, дворцовых интриг, великих страстей и опасных тайн. В 1525 году молодая Роза Уайт покидает поместье в Кенте и отправляется ко двору Генриха VIII, чтобы стать придворной дамой королевы Екатерины Арагонской. Внимание короля становится для неё началом истории, в которой переплетаются нежность и ревность, надежда и разочарование. Роза узнает, каково это — любить человека, перед которым склоняется вся Англия, и как трудно сохранить себя, когда твоё сердце оказывается рядом с короной. Ей предстоит познакомиться со всеми шестью жёнами Генриха VIII, стать свидетельницей великих событий и найти своё место среди людей, для которых власть порой оказывается дороже человеческой жизни. Но её история не только о короле. Это история женщины, которая познала любовь и потерю, обрела настоящую дружбу, стала матерью будущей королевы Елизаветы I и нашла счастье там, где совсем не ожидала его встретить. Она не станет королевой. Но её дочь однажды получит корону.

Содержание

Глава I. «Когда расцвели белые розы» 4
Глава II. "Невидимая нить" 30
Глава III. «Тени Уайтхолла» 83
Глава IV. "Величие и одиночество" 114
Глава V. «За маской величия» 132
Глава VI.«В тени кардинала» 147
Конец ознакомительного фрагмента. 166

Evangelina White
Роза. Между любовью и короной

Глава I. «Когда расцвели белые розы»

Я долго думала, с какого мгновения началась моя настоящая история. С того ли дня, когда я впервые увидела Генриха VIII? Или гораздо раньше — когда, ещё девочкой, сидела у ног матери в саду и слушала, как она читает стихи?

Возможно, всё началось именно там, среди белых роз, которые она так любила. Мать часто говорила, что сердце человека редко выбирает дорогу, ведущую к спокойствию. Тогда я не понимала её слов. Мне казалось, что любовь — это самое прекрасное, что может случиться с женщиной, и что, если быть искренней и доброй, мир непременно ответит тебе тем же.

Как же наивна я была.

Но я не сержусь на ту девушку. Напротив, иногда мне её не хватает. Она умела радоваться одному взгляду, верить красивым словам и находить чудо в самых обыкновенных ве-

щах. Я бы не хотела лишить её этой способности, даже зная, сколько ей предстояло пережить.

В тот весенний день 1525 года я ещё не знала, что однажды научусь различать настроение короля по движению его бровей, узнавать его шаги в длинных коридорах и понимать, когда его улыбка предназначена мне, а когда — всему залу.

Я просто ехала в Лондон. Мне было двадцать лет, на шее висела материнская жемчужная подвеска, а в голове было столько ожиданий, что, казалось, им не хватило бы места даже в самом большом дворце Англии.

Кент. Весна 1525 года

Утро было прохладным и влажным. Ночью прошёл дождь, и теперь сад блестел, словно кто-то рассыпал по траве мелкие стеклянные бусины. На ветвях яблонь дрожали капли, земля пахла сыростью, а за каменной стеной слышались голоса слуг, уже начавших дневную работу.

Я стояла у окна и смотрела на белые розы.

Они распустились раньше, чем я ожидала. Несколько нежных цветков раскрылись возле старой беседки, а остальные пока прятались в зелёных бутонах. Я знала каждую розу в этом саду. Знала, где земля просыхает быстрее, где солнце задерживается дольше и какие ветви нужно подвязать, чтобы ветер не сломал их.

Мать говорила, что цветы требуют внимания, но не терпят суеты. С людьми, по-моему, всё обстояло примерно так же. Правда, я тогда ещё не подозревала, насколько трудно быва-

ет следовать этому правилу.

Я коснулась жемчужной подвески на шее.

Она принадлежала матери. Простая по сравнению с украшениями, которые я видела на портретах знатных дам, но для меня дороже любой драгоценности. Иногда мне казалось, что, надевая её, я беру с собой частицу материнского присутствия.

— Миледи, вы опять разговариваете с розами?

Я обернулась. В дверях стояла Элис, моя горничная. Она служила в нашем доме столько лет, что давно перестала быть для меня просто прислугой.

— Я не разговариваю с ними, Элис.

— Разумеется. Вы только смотрите на них так, словно ожидаете ответа.

— А вдруг они однажды ответят?

— Тогда я попрошу их сообщить, почему вы до сих пор не оделись.

Я рассмеялась.

Элис разложила на кровати платье из золотисто-кремовой ткани. Корсаж был украшен мелкими жемчужинами, рукава отделаны тонкой вышивкой. Платье не было самым дорогим из моих нарядов, но я сразу узнала его.

— Мамино, — тихо произнесла я.

— Да, миледи. Сэр Ричард попросил приготовить именно его.

Я провела ладонью по ткани. Мать хотела, чтобы я наде-

ла это платье на один из первых больших праздников, когда буду представлена знатным гостям. Но праздника того так и не случилось.

— Значит, сегодня оно наконец дождётся своего часа.

— Думаю, ваша матушка была бы рада.

Я отвернулась к окну, чтобы Элис не заметила, как изменилось моё лицо.

— Помоги мне одеться. Не хочу, чтобы отец решил, будто я передумала ехать.

— А вы передумали?

— Нет.

Я ответила слишком быстро.

Элис посмотрела на меня с улыбкой.

— Тогда почему вы так крепко держитесь за подоконник?

Я убрала руку.

— Потому что он очень красивый.

— Конечно, миледи.

Она не стала спорить. За это я была ей благодарна.

Когда я наконец посмотрела на себя в зеркало, то не сразу узнала собственное отражение. Длинные каштановые волосы были собраны в аккуратную причёску, несколько прядей мягко обрамляли лицо. Зелёные глаза казались ярче на фоне золотистой ткани, а веснушки, которые я в детстве пыталась скрывать, теперь были едва заметны.

— Вы выглядите прекрасно, — сказала Элис.

— Ты обязана так говорить.

— Я обязана выполнять ваши распоряжения. А вот хвалить вас никто меня не заставляет.

— В таком случае я принимаю комплимент.

Я улыбнулась своему отражению, но улыбка быстро исчезла. В Лондоне меня ждало множество незнакомых людей. Среди них будут женщины, которые с детства знали, как держать веер, как отвечать на комплименты и как улыбаться человеку, которого терпеть не могут.

Я же порой забывала, какую руку следует подавать первой.

***

Отец ждал меня в большом зале. На столе лежали письма, рядом стоял нетронутый кубок вина. По его лицу было понятно, что он уже успел несколько раз проверить дорожные сундуки и, вероятно, найти недостатки в работе всех слуг.

Сэр Ричард Уайт был человеком строгим. Он не любил пустых обещаний, громких слов и бесполезных трат. После смерти матери он стал ещё сдержаннее, словно решил, что теперь должен быть достаточно сильным за двоих.

Но я знала его лучше, чем он думал.

— Ты готова? — спросил он.

— Почти.

Он посмотрел на моё платье и задержал взгляд на жемчужной подвеске.

— Мать хотела бы видеть тебя в нём.

— Я тоже хотела бы, чтобы она была здесь.

Отец ничего не ответил. Он лишь поправил манжет и

предложил мне сесть.

— Роза, я не стану снова перечислять все опасности придворной жизни. Ты уже слышала их от меня достаточно раз.

— По меньшей мере трижды за последние два дня.

— Значит, должна помнить.

— Помню, отец.

Он сел напротив меня.

— Ты молода, умна и воспитана должным образом. Но при дворе этого недостаточно. Там люди умеют замечать чужие слабости и пользоваться ими. Не рассказывай незнакомцам о своих переживаниях. Не спеши доверять тем, кто слишком быстро предлагает дружбу.

— А если человек действительно окажется добрым?

— Тогда у тебя будет время это понять.

Я вздохнула.

— Вы хотите, чтобы я никому не доверяла.

— Нет. Я хочу, чтобы ты не отдавала своё доверие первому встречному.

Я опустила глаза на руки.

— Я буду осторожна.

Отец протянул ладонь и накрыл мою руку своей.

— И помни: ты дочь Уайтов. Не позволяй никому заставить тебя забыть об этом.

— Не позволю.

Он кивнул, словно именно этого ответа и ждал.

— Тогда поезжай. И не заставляй меня жалеть, что я от-

пустил тебя.

— Я постараюсь, отец.

Он поднялся и поцеловал меня в лоб. Это было редкое проявление нежности, и я невольно улыбнулась.

В тот момент мне захотелось обнять его и попросить не отпускать меня. Но я уже была достаточно взрослой, чтобы понимать: иногда любовь родителей заключается именно в том, чтобы позволить детям уйти.

***

Мы выехали после завтрака.

Я ехала верхом на Белле, моей гнедой кобыле. Она была спокойной и терпеливой, хотя иногда имела привычку останавливаться посреди дороги, если замечала особенно сочный куст.

— Не сегодня, Белла, — шепнула я, когда она потянулась к изгороди.

Кобыла повернула ко мне голову и посмотрела с таким выражением, словно считала мои слова несправедливыми.

Я рассмеялась.

Дорога постепенно уводила нас от знакомого поместья. За изгородями тянулись поля, на пастбищах паслись овцы, а возле деревень уже работали крестьяне. Ветер приносил запах влажной земли, дыма и молодой травы.

Я старалась запоминать всё: покосившуюся мельницу, маленькую церковь, женщину, развешивавшую бельё у дома, мальчика, который бежал за нашей процессией, пока мать не

позвала его обратно.

Мне казалось важным сохранить эти картины в памяти. Я не знала, когда снова увижу их.

— Ты всё время оглядываешься, — заметил отец.

— Боюсь пропустить что-нибудь знакомое.

— Ты вернёшься.

— Вы так уверены?

— Разумеется.

— А если мне понравится Лондон?

Отец посмотрел на меня с лёгкой усмешкой.

— Тогда, вероятно, мне придётся чаще приезжать туда самому.

Я улыбнулась.

В одном из селений мы остановились у постоялого двора. Внутри было тепло и шумно. Пахло свежим хлебом, луком, печёным мясом и дымом. Купцы спорили о цене шерсти, двое путешественников обсуждали состояние дороги, а пожилая хозяйка строго отчитывала мальчика, который уронил деревянную кружку.

Мне подали горячий бульон, хлеб и сыр. Я ела, слушая разговоры вокруг.

В Кенте я привыкла к тишине нашего поместья. Здесь же каждый человек словно нёс с собой целую историю, и мне хотелось узнать их все.

К вечеру показался Лондон.

Город встретил нас шумом, запахом речной воды, дыма и

множества людских жилищ. Улицы становились всё теснее, дома — выше, а движение — оживлённее. По мосту двигались повозки и всадники, торговцы выкрикивали названия своих товаров, из лавок доносился стук молотков.

Я смотрела по сторонам, стараясь не пропустить ни одной детали.

— Не смотри так широко раскрытыми глазами, — негромко сказал отец.

— Почему?

— Потому что люди решат, будто ты никогда прежде не видела города.

— Но я действительно никогда не видела такого города.

Он вздохнул, однако улыбнулся.

— В этом и заключается твоя беда, Роза. Ты слишком честно показываешь, что думаешь.

***

Уайтхолл оказался совсем не похож на наше поместье.

Здесь всё было больше, громче и торжественнее. Каменные и кирпичные здания соединялись переходами и галереями. Слуги сновали по коридорам, посыльные несли письма, а придворные беседовали небольшими группами, внимательно следя за тем, кто проходит мимо.

Мне показалось, что даже стены здесь умеют слушать.

В залах пахло воском, деревом, дорогими духами и приготовленной едой. Где-то играли музыканты, а из соседнего помещения доносился звон посуды.

Отец помог мне спешиться и передал поводья конюшему.

— Держись рядом со мной.

— Я постараюсь не потеряться.

— Постарайся не заставлять меня искать тебя.

— Это было бы крайне невежливо с моей стороны.

Он посмотрел на меня, и я поняла, что шутка ему не слишком понравилась.

Нас встретил дворецкий. После короткой проверки имён он провёл нас в зал, где находились придворные.

Я сразу почувствовала, что здесь меня рассматривают. Не открыто, конечно. Никто не поворачивался ко мне всем телом и не указывал пальцем. Но взгляды задерживались на моём платье, на лице, на гербе отца.

Мне захотелось проверить, не перекосилась ли жемчужная сетка на волосах.

— Сэр Ричард Уайт, — объявил дворецкий.

Отец слегка склонил голову.

— И моя дочь, леди Роза Уайт.

Я присела в реверансе.

К нам приблизилась молодая женщина с тёмными волосами и мягкими чертами лица.

— Леди Роза, добро пожаловать ко двору.

Это была Мария Болейн.

— Леди Мария, — ответила я.

— Надеюсь, дорога не слишком утомила вас?

— Дорога была довольно длинной, но мне понравилось

путешествие. Особенно та часть, где можно было не думать о том, правильно ли я держу спину.

Мария рассмеялась.

— Тогда боюсь, дальше вам придётся думать об этом постоянно.

— Я так и подозревала.

Она посмотрела на меня с живым любопытством.

— Вы понравитесь некоторым дамам. Других, возможно, немного удивите.

— Это хорошо или плохо?

— При дворе, дорогая леди Роза, иногда невозможно понять разницу.

Отец попрощался со мной и удалился по делам. Мария предложила показать мне дворец.

***

Мы нашли королеву возле высокого окна.

Екатерина Арагонская была одета в тёмно-красное платье с золотой вышивкой. На голове у неё был изящный головной убор в испанском стиле, украшенный жемчугом. Она держалась спокойно, и даже те, кто находился рядом, словно невольно подстраивались под её движения.

Я сделала реверанс.

— Ваше величество.

— Поднимитесь, дитя моё. Вы дочь графа Ричарда Уайта?

— Да, ваше величество.

— Мне рассказывали о вашем отце. Он служит короне до-

стойно. А вы впервые при дворе?

— Да, ваше величество.

— Тогда, вероятно, вам многое покажется непривычным.

— Почти всё, — призналась я.

Королева улыбнулась.

— Это пройдёт. Но надеюсь, вы не утратите способности удивляться. Люди, которые слишком долго живут при дворе, порой перестают замечать даже самые прекрасные вещи.

Она спросила о Кенте, о моём поместье и о матери. Когда я сказала, что леди Элеонора умерла семь лет назад, Екатерина смягчилась.

— Матери остаются с нами дольше, чем нам кажется, — произнесла она. — Даже когда их уже нет рядом.

Я почувствовала, как к горлу подступил комок.

— Я часто вспоминаю её, ваше величество.

— Тогда вы ещё не потеряли её окончательно.

Эти слова я запомнила.

Позднее я не раз убеждалась, что Екатерина умела говорить с женщинами так, словно видела не только их положение, но и то, что они старались скрыть.

Когда мы отошли, Мария тихо сказала:

— Вам повезло. Её величество сегодня в прекрасном расположении духа.

— Она очень добра.

— Да, — ответила Мария. — И иногда ей приходится быть добрее, чем позволяют обстоятельства.

Я хотела спросить, что она имеет в виду, но Мария уже повела меня дальше.

***

В соседнем зале я познакомилась с Изабеллой.

Она стояла возле окна в золотистом платье, расшитом зелеными веточками. Её рыжевато-каштановые волосы были собраны в аккуратную причёску, а на шее красовалась жемчужная нить с небольшим красным камнем.

Она смеялась над чем-то, что рассказывала другая девушка. Смех у неё был звонкий и совершенно не похожий на осторожные смешки, которыми обменивались некоторые придворные дамы.

— Изабелла, — позвала Мария. — Познакомься с леди Розой Уайт.

Девушка обернулась.

— Новенькая?

— Изабелла, — укоризненно произнесла Мария.

— Что? Это не оскорбление. Я сама когда-то была новенькой и прекрасно помню, каково это.

Она повернулась ко мне.

— Изабелла Ховард. Девятнадцать лет, несколько лет при дворе и достаточно опыта, чтобы советовать вам не верить человеку, который слишком громко хвалит ваш наряд.

— А если он действительно красив?

— Тогда человек, вероятно, просто хочет что-то получить.

Я рассмеялась.

— Роза Уайт. Двадцать лет. Сегодня впервые приехала ко двору и пока не знаю, кому верить.

— Прекрасно! Значит, мы начнём с того, что не будем верить никому вместе.

Мария покачала головой.

— Не слушайте её. Изабелла считает себя гораздо мудрее, чем есть на самом деле.

— А Мария считает себя гораздо серьёзнее, чем ей полезно, — немедленно ответила Изабелла.

Я рассмеялась снова.

И, кажется, именно тогда между нами возникло первое расположение.

— Вы любите музыку? — спросила она.

— Очень. Играю на лютне.

— Тогда мы непременно должны сыграть вместе. Я тоже играю, хотя мой учитель утверждает, что мне не хватает терпения.

— Возможно, он просто слишком строг.

— Вот! Уже защищаете меня. Я знала, что мы поладим.

Я посмотрела на неё и подумала, что мне впервые за весь день стало легко.

Позднее я осталась у окна одна. За стеклом темнело, во дворе зажигали факелы.

— Вы, должно быть, устали от стольких новых лиц.

Я обернулась.

Передо мной стоял высокий мужчина с уверенной осанкой и открытым выражением лица.

— Немного, милорд.

— Чарльз Брэндон, герцог Саффолк.

Я присела.

— Леди Роза Уайт.

— Дочь сэра Ричарда?

— Да.

— Ваш отец достойный человек. Мы несколько раз встречались.

Он улыбнулся.

— Как вам двор?

— Пока я ещё не успела составить о нём мнение.

— Осторожный ответ.

— Мне сегодня уже говорили, что здесь следует быть осторожной.

— Тогда вам дали хороший совет.

Он рассмеялся, и я заметила, что с ним легко разговаривать. В нём не было той нарочитой важности, которую я уже успела увидеть у некоторых придворных.

— Не позволяйте чужим предупреждениям лишить вас удовольствия, леди Роза. Здесь бывают прекрасные праздники, музыка и танцы.

— Я постараюсь помнить об этом.

Вскоре его позвали, и он удалился.

Я проводила его взглядом. Он показался мне приятным

человеком, но тогда я не придала нашей беседе особого значения.

***

Вечерний приём начался с музыки. В большом зале зажгли множество свечей. Свет отражался в позолоте стен и драгоценных украшениях придворных. Слуги расставляли кубки и блюда, музыканты настраивали инструменты.

Я стояла рядом с Марией и Изабеллой.

— Не волнуйтесь, — шепнула Изабелла. — Если вы не знаете, куда смотреть, смотрите на меня. Я всегда делаю вид, будто прекрасно понимаю, что происходит.

— А вы понимаете?

— Разумеется, нет. Но уверенность — половина успеха.

Я едва сдержала смех.

И тут зал начал затихать.

Сначала замолчали люди у дверей. Затем оборвался разговор возле колонны. Музыканты закончили мелодию, и все присутствующие повернулись в одну сторону.

Двери распахнулись.

Вошёл король.

Генрих VIII.

Я знала, что ему тридцать три года, что он правит Англией уже много лет и что его имя произносят с почтением далеко за пределами королевства. Но ни один рассказ не мог передать того, как менялась атмосфера вокруг него.

Он был высоким, с тёмными волосами и выразительными

глазами. Его камзол был расшит золотом, на плечах лежал тяжёлый плащ. Он улыбался придворным, обменивался приветствиями, и всё же мне казалось, что он замечает гораздо больше, чем показывает.

Я присела вместе с остальными.

Когда король приблизился, я опустила глаза.

— Леди Мария, — услышала я его голос.

— Ваше величество.

— Вы сегодня не одна?

— Нет, сир. Позвольте представить вам леди Розу Уайт, дочь графа Ричарда Уайта из Кента.

Я почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Леди Роза.

— Ваше величество.

— Поднимитесь.

Я выпрямилась.

— Я слышал о вашем отце. Он служит мне очень достойно, как и моему отцу до меня.

— Для нашей семьи большая честь, что вы помните его.

Генрих улыбнулся.

— А вы давно при дворе?

— Сегодня мой первый день, сир.

— И каково ваше первое впечатление?

Я на мгновение задумалась.

— Всё гораздо прекраснее, чем я представляла. И гораздо сложнее.

Он слегка приподнял бровь.

— Сложнее?

— Здесь, кажется, у каждого человека есть своя история, ваше величество. И не все готовы рассказывать её вслух.

Король рассмеялся.

— Вы наблюдательны, леди Роза. Кто научил вас так отвечать?

— Боюсь, сир, никто. Иногда я говорю прежде, чем успеваю подумать.

— Это может оказаться опасным качеством.

— Отец говорит то же самое.

— Значит, у вас мудрый отец.

Он продолжил расспрашивать меня о Кенте, о поместье и о моих занятиях. Когда узнал, что я играю на лютне, заинтересовался.

— Вы любите музыку?

— Очень, ваше величество.

— Тогда вы должны любить и танцы.

— Да, сир.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовала беседа.

— Подарите мне этот танец, леди Роза.

Я почувствовала, как лицо начинает гореть.

— Для меня это большая честь.

Он протянул руку.

Я вложила в неё свою ладонь.

И только тогда заметила, что вокруг нас стало необычайно

тихо.

Генрих танцевал уверенно и свободно. Его движения были точными, а взгляд почти не отрывался от моего лица.

— Вы волнуетесь, — заметил он.

— Немного, ваше величество.

— Почему?

— Я не каждый день танцую с королём.

— Тогда вам придётся привыкнуть.

Он произнёс это с улыбкой.

Я тоже улыбнулась, хотя не была уверена, что правильно поняла его слова.

— Вы скучаете по дому? — спросил он.

— Да, сир. Особенно по саду.

— По саду?

— У моей матери был сад белых роз. Я часто ухаживаю за ним сама.

— Вы любите цветы?

— Очень. Мне кажется, они умеют хранить память лучше многих людей.

Король немного помолчал.

— Ваша мать, должно быть, была замечательной женщиной.

— Она была очень доброй.

— Вы похожи на неё?

Я не ожидала этого вопроса.

— Надеюсь, что хотя бы немного.

Генрих смотрел на меня так внимательно, что я на мгновение забыла о музыке.

— Ваша мать, вероятно, гордилась бы вами.

— Мне хотелось бы в это верить.

— А я полагаю, что так и есть.

Его голос стал мягче. На мгновение в его лице появилось выражение, которого я не могла понять. Оно было не совсем печальным, но и не соответствовало весёлому настроению праздника.

— Вы умеете играть на лютне, — напомнил он. — Возможно, однажды мне доведётся вас послушать.

— Если ваше величество пожелает.

— Я не привык просить дважды, леди Роза.

Он улыбнулся, и я тоже улыбнулась, приняв его слова за шутку.

Но в его взгляде было что-то, отчего мне стало трудно отвести глаза.

Музыка закончилась.

Король не сразу отпустил мою руку.

— Надеюсь, мы ещё поговорим.

— Я буду рада, ваше величество.

— Не сомневаюсь.

Он повернулся к придворным.

— Леди Роза Уайт сегодня впервые при нашем дворе. Надеюсь, вы окажете ей должное внимание.

Он произнёс это достаточно громко, чтобы услышали сто-

явшие рядом.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

Мне хотелось поблагодарить его, но слова застряли в горле.

Король удалился, а я осталась среди людей, которые теперь смотрели на меня совсем иначе.

***

Первой ко мне подошла одна из дам. Она улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз.

— Поздравляю вас, леди Роза. Не каждой молодой женщине выпадает честь танцевать с его величеством в первый же вечер.

— Мне просто повезло, — ответила я.

— Разумеется.

Она слегка склонила голову и отошла.

Следом приблизился молодой придворный, который прежде даже не смотрел в мою сторону.

— Леди Уайт, вы, должно быть, прекрасно танцуете.

— Благодарю вас.

— Его величество редко приглашает незнакомых дам.

Я не знала, что ответить, и потому лишь улыбнулась.

Когда он ушёл, Изабелла появилась рядом.

— Вы заметили?

— Что именно?

— Ещё полчаса назад никто не мог вспомнить ваше имя. Теперь все хотят с вами поговорить.

— Это ведь хорошо?

Изабелла посмотрела на меня.

— Иногда. Но я бы предпочла, чтобы они сначала узнали вас, а потом уже решили, что вы им интересны.

Мария подошла к нам чуть позже. Она выглядела серьёзнее, чем прежде.

— Его величество пригласил вас на беседу?

— Нет, леди Мария.

— Пока нет?

Я посмотрела на неё.

— Он сказал, что надеется поговорить со мной снова.

Мария на мгновение закрыла глаза, словно услышала подтверждение чему-то, чего опасалась.

— Тогда, Роза, послушайте меня внимательно.

Она отвела нас в сторону, подальше от ближайших гостей.

— Король не такой, как остальные мужчины. Даже если он произносит слова только для вас, весь двор может услышать их по-своему.

— Я не понимаю.

— Вам и не нужно понимать всё сегодня. Просто не принимайте его любезность за обещание.

— Обещание чего?

— Любви. Защиты. Будущего. Король может быть искренним в ту минуту, когда говорит с вами, но его желания меняются. А последствия его желаний остаются с теми, кто оказался рядом.

Я почувствовала, как улыбка медленно исчезает с моего лица.

— Вы думаете, мне следует избегать его?

Мария долго смотрела на меня.

— Я думаю, вам следует помнить о себе. И никогда не забывать, что вы имеете право на собственные желания.

Изабелла взяла меня под руку.

— Мария, ты пугаешь её.

— Лучше испугать сейчас, чем позволить ей однажды узнать всё слишком поздно.

Я посмотрела на Марию и поняла, что за её словами скрывается личный опыт. Но я не стала спрашивать. Не в тот вечер.

Позднее, когда гости начали расходиться, ко мне подошёл придворный в тёмном камзоле.

— Леди Уайт, его величество просил передать, что желает видеть вас завтра после вечерней службы в малой галерее.

Я растерялась.

— Меня?

— Именно вас, миледи.

— Благодарю. Я буду готова.

Придворный поклонился и удалился.

Изабелла проводила его взглядом.

— Вот теперь я начинаю волноваться.

— Почему?

— Потому что король не просто запомнил ваше имя. Он

распорядился, чтобы вам передали приглашение лично.

Мария молчала.

— Вы ведь не думаете, что я должна отказаться? — спросила я.

— Я не стану решать за вас, — ответила она. — Но завтра не забывайте сегодняшнего разговора.

Я кивнула.

Мне хотелось казаться спокойной, но внутри всё дрожало от волнения.

Король хотел снова меня видеть.

И, несмотря на все предупреждения, эта мысль приносила мне радость.

Когда я вернулась в покои, Элис помогла мне снять платье и расплести волосы.

— Как прошёл вечер, миледи?

— Я познакомилась с королевой. Она очень добрая. И с леди Изабеллой Ховард. Кажется, мы подружились.

— Это замечательно.

Я помолчала.

— А ещё я танцевала с королём.

Элис замерла.

— С самим королём?

— Да.

— И как он?

Я улыбнулась, сама не заметив этого.

— Он удивительный. Когда разговаривает с тобой, кажет-

ся, что в зале больше никого нет.

Элис внимательно посмотрела на меня.

— А потом?

— Потом ты понимаешь, что весь зал смотрел на вас.

Она ничего не ответила.

Я подошла к окну. В темноте мерцали огни Лондона.

Завтра я снова увижу Генриха.

Мне хотелось думать о его улыбке, о его голосе и о том, как он смотрел на меня во время танца. Но слова Марии не давали покоя.

Я не знала, чего именно следует опасаться. И, наверное, именно это было самым тревожным.

***

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: в тот вечер король заметил не только меня. Он заметил девушку, которая ещё не знала, что внимание короля Англии редко остаётся без последствий.

Я была польщена. Я была счастлива. Я была немного напугана, но старалась не показывать этого даже самой себе.

В тот вечер я впервые увидела, как быстро меняется отношение людей к женщине, если король задерживает на ней взгляд. Ещё утром я была незнакомкой из Кента. К ночи моё имя уже обсуждали в нескольких комнатах Уайтхолла.

И всё же, если быть совершенно честной, больше всего я запомнила не шёпот придворных и не предупреждения Ма-

рии.

Я запомнила улыбку Генриха.

Так начинается немало историй, которые потом приходится вспоминать с осторожностью.

На следующее утро я долго выбирала платье для встречи с королём. Мне хотелось выглядеть достойно, но не слишком нарядно. Я несколько раз меняла украшения, а Элис, кажется, едва удерживалась от смеха.

Я всё ещё верила, что впереди меня ждёт нечто прекрасное.

И я не стану отнимать у той девушки эту веру.

Она ещё не знала, что её первая встреча с королём станет началом долгой истории — истории, в которой однажды ей придётся научиться отличать любовь от желания быть любимой.

Глава II. "Невидимая нить"

Есть встречи, которые человек вспоминает всю жизнь не потому, что в них произошло нечто необыкновенное, а потому, что именно тогда привычный мир едва заметно изменил своё направление.

Я много раз возвращалась мыслями к тому утру в Уайтхолле. К бледному свету, пробивавшемуся сквозь высокие окна, к запаху воска и свежих цветов, к шороху собственного платья в пустом коридоре. И, конечно, к человеку, ради которого я так тщательно выбирала наряд.

В двадцать лет я полагала, что волнение — непременный спутник прекрасных событий. Если сердце бьётся быстрее, значит, впереди должно случиться что-то хорошее. Теперь я знаю, что сердце порой не умеет отличать предчувствие счастья от предупреждения об опасности.

Но тогда я ещё не знала этого.

Я просто хотела, чтобы король снова посмотрел на меня так, как смотрел во время танца. Тогда я ещё только осваивалась в новой для себя роли младшей придворной дамы королевы Екатерины. Я приехала в Уайтхолл служить её величеству, а вовсе не искать внимания короля.

Утро в Уайтхолле

Проснулась я раньше обычного.

За окном только начинало светать. Небо над Лондоном

было бледно-серым, почти жемчужным, а на оконных стёклах ещё держались мелкие капли ночного дождя. Внизу, во внутреннем дворе, уже слышались шаги слуг, скрип колёс и приглушённые голоса людей, для которых утро начиналось задолго до того, как просыпались знатные господа.

Я лежала неподвижно, глядя на узорчатый потолок.

Сегодня.

Эта мысль появилась в голове прежде, чем я окончательно проснулась.

Сегодня я должна была увидеть Генриха. Но прежде мне предстояло исполнить обязанности при дворе и быть готовой к тому, что королеве может понадобиться моя помощь.

Я повернулась на бок и посмотрела на платье, которое Элис приготовила с вечера. Оно было из мягкого голубовато-серого шёлка, с узкими рукавами и тонкой золотистой вышивкой по краю корсажа. Не слишком нарядное, но и не простое. Рядом лежали жемчужные серьги и тонкая цепочка, которую я в конце концов решила не надевать: материнской подвески мне было вполне достаточно.

Я снова перевернулась на спину.

Что, если король пригласил меня лишь из вежливости? Что, если вчерашний танец был для него всего лишь приятным развлечением среди множества других? А вдруг он вовсе не вспомнит о нашем разговоре?

Последняя мысль почему-то показалась мне особенно неприятной.

— Миледи, если вы продолжите так смотреть в потолок, он, пожалуй, начнёт смущаться.

Я вздрогнула и повернула голову.

Элис появилась из-за ширмы с кувшином тёплой воды. Её волосы были аккуратно убраны под чепец, а на лице играла та самая улыбка, которая обычно означала, что она уже заметила что-то, о чём я предпочла бы не говорить.

— Доброе утро и тебе, — пробормотала я.

— Оно уже добрых полчаса как наступило. По крайней мере, для всех, кто не занят размышлениями о потолке.

— Я не размышляю о потолке.

— Тогда, должно быть, он просто напоминает вам о чём-то весьма занимательном.

Я приподнялась на локте.

— Ты сегодня особенно разговорчива.

— А вы сегодня особенно молчаливы. Пришлось кому-то восполнять недостаток беседы.

Элис поставила кувшин на столик и принялась готовить воду для умывания. Я наблюдала за ней, пытаясь решить, стоит ли доверить ей свои мысли.

— Как ты думаешь, о чём король захочет говорить?

Она повернулась ко мне.

— А о чём вы хотели бы говорить с ним?

Вопрос оказался неожиданным.

— Я не знаю. О музыке, возможно. Или о книгах.

— Тогда вам повезло: эти предметы гораздо безопаснее,

чем разговоры о придворных дамах.

— Элис!

— Что? Я лишь надеюсь, что вы не станете обсуждать с его величеством чужие характеры. Особенно если эти характеры принадлежат людям, которые могут услышать ваш разговор.

Я невольно рассмеялась.

— Ты воображаешь самые ужасные вещи.

— Я служу вам достаточно долго, чтобы знать: иногда ваши самые невинные замечания оказываются самыми опасными.

— Я не настолько неосторожна.

— Разумеется, миледи. Именно поэтому вы вчера трижды спрашивали, не слишком ли заметна ваша подвеска.

Я посмотрела на жемчуг, лежавший возле платья.

— Она ведь не слишком нарядная?

— Нет. Она красивая.

— Ты отвечаешь так, будто заранее знаешь, что я спрошу.

— Потому что знаю вас.

Я улыбнулась и наконец поднялась с кровати.

— Помоги мне одеться. И, пожалуйста, не говори больше о потолке.

— Как пожелаете.

Элис подошла к платью, но прежде чем снять его с вешалки, обернулась:

— И ещё, миледи…

— Что теперь?

— Если король окажется скучным собеседником, не считайте это своей виной.

Я рассмеялась.

— Постараюсь помнить.

Она помогла мне встать, и вскоре я уже сидела перед зеркалом. Элис расчёсывала мои длинные волосы, осторожно распутывая пряди, и собирала их в причёску, оставив несколько мягких локонов у висков. Когда она закончила, я надела голубовато-серое платье и материнскую жемчужную подвеску.

Элис заметила её, но ничего не сказала.

Я была благодарна ей за молчание.

Некоторое время я рассматривала своё отражение. Девушка в зеркале выглядела спокойнее, чем я себя чувствовала. Её зелёные глаза казались ясными, щёки чуть порозовели, а жемчуг у горла мягко поблёскивал в утреннем свете.

— Ну вот, — произнесла Элис, отступая на шаг. — Теперь можно отправляться покорять столицу.

— Я думала, мне предстоит всего лишь беседа.

— В таком случае покорение столицы можно отложить до завтра.

— Ты неисправима.

— Зато причёска получилась превосходная.

Я улыбнулась своему отражению, но улыбка быстро исчезла.

— Миледи? — тихо позвала Элис.

— Да?

— Не пытайтесь сегодня стать кем-то другим. Мне кажется, вчера королю понравилась именно вы.

Я посмотрела на неё через зеркало.

— Ты говоришь так, словно уже решила, что он мной заинтересовался.

— Нет, миледи. Я лишь заметила, что вы уже решили это за него.

Я покачала головой, однако не смогла скрыть улыбки.

***

Когда я вышла из своих покоев, в коридоре было ещё непривычно тихо. Несколько слуг проходили мимо с корзинами белья и кувшинами, а у дальнего окна молодой паж пытался удержать охапку свитков, грозивших рассыпаться по каменному полу.

Я направилась к комнатам, которые накануне отвели отцу.

Отец, сэр Ричард Уайт, собирался уехать в Кент этим утром. Он пробыл при дворе лишь столько, сколько считал необходимым, чтобы убедиться, что меня приняли в свиту королевы Екатерины на должность младшей придворной дамы и что мои покои устроены должным образом. Вчера вечером он сказал, что не намерен задерживаться в Лондоне без надобности. Тогда я кивнула, сделав вид, будто это решение ничуть меня не огорчает.

Теперь, стоя перед его дверью, я поняла, что обманывала себя.

Я постучала.

— Войдите.

Отец стоял у стола, застёгивая дорожный камзол. Рядом лежали перчатки и пояс, а у двери уже ждал небольшой сундук. Он выглядел так, словно был готов отправиться в путь ещё до рассвета.

— Роза, — произнёс он, заметив меня. — Ты рано поднялась.

— Не хотела пропустить ваш отъезд.

Он взглянул на меня и чуть заметно улыбнулся.

— Значит, всё-таки решила проводить меня.

— Разве я могла поступить иначе?

— Могла бы поспать ещё час. В твоём возрасте сон, пожалуй, полезнее, чем общество старого отца.

— Вы говорите так, словно собираетесь уехать на несколько лет.

— Для некоторых людей и дорога в Кент кажется путешествием на край света.

Я улыбнулась, но тут же посмотрела на его дорожные вещи.

— Вы уже готовы?

— Осталось надеть перчатки. Люди ждут во дворе. Если выедем сейчас, до темноты доберёмся до места, где можно будет остановиться на ночь.

Я подошла к столу и поправила край его дорожных перчаток, хотя они и без того лежали ровно.

— Значит, сегодня вы уже будете далеко от Лондона.

— Да.

Он произнёс это просто, но я вдруг почувствовала, как к горлу подступает комок.

— Мне не нравится мысль, что вы уезжаете.

Отец перестал застёгивать камзол.

— Я полагал, что ты будешь рада избавиться от моих наставлений.

— Иногда они бывают полезны.

— Только иногда?

— Не хочу слишком вас баловать.

Он тихо усмехнулся, но затем подошёл ближе.

— Ты ведь знала, что я не останусь здесь надолго.

— Знала. Но одно дело — знать, другое — видеть, как вы собираетесь уезжать.

Отец помолчал. Его взгляд задержался на моём лице, словно он хотел запомнить его таким, каким увидел сейчас.

— Я не могу всё время находиться рядом с тобой, Роза.

— Я понимаю.

— Но это не значит, что ты должна решать всё сама. Если что-то случится, если тебе понадобится помощь, ты напишешь мне. Неважно, насколько незначительной покажется тебе причина.

— Вы получите от меня столько писем, что скоро начнёте жалеть о своём обещании.

— Это было бы приятной переменой. Обычно мне прихо-

дится напоминать тебе, что письма не пишутся сами собой.

Я рассмеялась.

— Обещаю исправиться.

Он указал на кресло, и мы ненадолго присели.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, как тебе здесь, — произнёс отец. — Не только о праздниках и красивых залах. О людях тоже. Кто оказался приветлив, кто держится надменно, кто пытается узнать о тебе больше, чем следует.

— Вы хотите получить полный отчёт о дворе?

— Я хочу знать, что происходит с моей дочерью.

Я опустила глаза.

— Мария Болейн очень добра ко мне. И леди Изабелла Ховард. Мы с ней вчера много разговаривали.

— Хорошо. Но не торопись считать каждого приветливого человека другом.

— Вы уже говорили мне об этом.

— И, вероятно, повторю ещё не раз.

— Я заметила.

Отец улыбнулся.

— В таком случае мои усилия не напрасны.

Я немного помолчала, а затем решилась спросить:

— Отец, вы не сердитесь, что я так быстро освоилась здесь?

— Почему я должен сердиться?

— Не знаю. Вы ведь не хотели, чтобы я уезжала из Кента. Возможно, вам кажется, что я слишком легко забыла дом.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Роза, ты можешь полюбить Лондон и всё равно скучать по Кенту. Одно не отменяет другого.

— Но если мне здесь понравится?

— Тогда я буду рад, что ты не напрасно проделала этот путь.

— Даже если я не захочу вернуться сразу?

Отец чуть улыбнулся.

— Я надеюсь, что однажды ты всё же захочешь вернуться домой. Но не собираюсь требовать, чтобы ты оставалась той девочкой, которая покидала наше поместье вчера утром.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Мне кажется, я ещё не готова быть такой самостоятельной, какой вы хотите меня видеть.

— Никто не становится самостоятельным за один день, дитя моё.

Он протянул руку и накрыл мою ладонь своей.

— Просто не путай самостоятельность с одиночеством. Ты можешь принимать собственные решения и всё равно обращаться за помощью.

Я кивнула.

— Постараюсь запомнить.

Отец внимательно посмотрел на меня.

— И ещё одно. Не позволяй никому при дворе заставить тебя думать, будто твоя ценность определяется тем, насколько высоко тебя поставили рядом с собой.

Я невольно улыбнулась.

— Похоже, вы с леди Марией придерживаетесь одного мнения.

— Леди Мария?

— Мария Болейн. Она тоже считает, что мне следует быть осторожной.

— Разумная женщина.

— Вы бы с ней согласились.

— Возможно. Хотя я предпочёл бы, чтобы тебе не приходилось проверять её мудрость на собственном опыте.

Я опустила взгляд на свои руки.

— Отец, вы думаете, что я могу совершить ошибку?

— Разумеется.

Я подняла на него глаза.

— Вы так уверены?

— Ты моя дочь. Я знаю, что ты способна на упрямство, поспешные решения и совершенно ненужные переживания.

— Благодарю за столь лестное описание.

— Я ещё не закончил. Ты также добра, умна и умеешь замечать то, чего другие не видят. Иногда эти качества будут тебе помогать. Иногда — мешать.

Он чуть крепче сжал мою руку.

— Но я не хочу, чтобы страх ошибки удерживал тебя от жизни.

Я молчала, стараясь сохранить спокойное выражение лица.

— Мать бы сказала то же самое, — прошептала я.

Отец посмотрел на жемчужную подвеску у меня на груди.

— Да. Она всегда считала, что я слишком много тревожусь.

— Она была права.

— Не сомневаюсь, что ты сейчас говоришь от её имени.

Я рассмеялась, и отец тоже улыбнулся. Но вскоре его лицо снова стало серьёзным.

— Думаешь, она была бы рада, что я здесь? — спросила я.

— Думаю, она гордилась бы тобой. И, вероятно, нашла бы способ напомнить мне, что я слишком много тревожусь.

— Она всегда умела с вами спорить.

— И почти всегда добивалась своего, — сказал он, чуть усмехнувшись. — Хотя я никогда не признавал этого вслух.

Я улыбнулась сквозь подступившие слёзы.

Отец поднял руку и осторожно поправил жемчужную подвеску у меня на груди.

— Ты взяла её.

— Конечно.

— Хорошо. Твоя мать хотела бы, чтобы она была с тобой.

Я накрыла его руку своей.

— Я скучаю по ней.

— Я тоже, дитя моё.

Он сказал это так тихо, что мне пришлось податься ближе, чтобы расслышать.

Несколько мгновений мы молчали. За дверью послыша-

лись шаги, затем чей-то голос сообщил, что лошади готовы.

Отец убрал руку.

— Мне пора.

Я кивнула, хотя совсем не хотела этого делать.

— Я провожу вас.

— Не нужно. Здесь прохладно, а тебе ещё предстоит день при дворе. Не забывай, что теперь ты служишь её величеству и должна быть готова, если тебя позовут.

— Я хочу проводить вас.

Он не стал спорить.

Мы вышли вместе. В коридоре уже стало оживлённее. Двое слуг несли дорожный сундук, а у лестницы стоял молодой паж с плащом отца. Спускаясь, я старалась запомнить каждую мелочь: звук его шагов, знакомый запах кожи и дорожной ткани, складку на рукаве его камзола.

Во внутреннем дворе было прохладно. Ночной туман ещё не совсем рассеялся, и каменные плиты блестели от влаги. Лошади переступали с ноги на ногу, фыркали и били копытами по мостовой. Один из слуг придерживал поводья отцовского коня.

Сэр Ричард надел перчатки и повернулся ко мне.

— Вот и всё.

Я попыталась улыбнуться.

— Вы напишете, когда доберётесь?

— Разумеется. А ты не забывай отвечать на мои письма.

— Не забуду.

— И не заставляй меня узнавать о твоих делах от других людей.

— Постараюсь.

Он посмотрел на меня с тем самым строгим выражением, которое я знала с детства.

— Роза.

— Да, отец?

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он вздохнул, затем неожиданно обнял меня.

Это было короткое, немного неловкое объятие — отец никогда не был человеком, который легко выражал чувства. Но в нём было столько тепла, что я крепко прижалась к нему, не желая отпускать.

— Береги себя, дитя моё, — прошептал он.

— И вы берегите себя.

Он отстранился и посмотрел на меня.

— Я всегда буду ждать тебя дома.

Я кивнула, не доверяя собственному голосу.

Отец сел в седло. Слуга передал ему поводья, и он ещё раз обернулся.

— И помни, Роза: ты дочь Уайтов. Не позволяй никому заставить тебя забыть об этом.

— Не позволю, отец.

Он кивнул и направил коня к воротам.

Я стояла во дворе, пока его фигура не скрылась за пово-

ротом. Лишь тогда поняла, что всё это время сжимала в руке край своего рукава.

— Миледи?

Элис подошла ко мне и осторожно коснулась локтя.

— Пойдёмте. Вы замёрзнете.

Я ещё раз посмотрела на пустые ворота.

— Он всегда так быстро уезжает.

— Потому что знает, что если задержится, ему будет труднее оставить вас.

Я повернулась к Элис.

— Думаешь?

— Я уверена.

Я глубоко вдохнула и позволила ей проводить меня обратно во дворец.

В тот день я впервые почувствовала, что Уайтхолл действительно становится моим новым домом — по крайней мере, на какое-то время. И всё же где-то далеко, за дорогами и зелёными полями Кента, оставалось место, где меня по-прежнему ждали.

***

После того как отец уехал, я не сразу вернулась в свои покои. Мне предстояло оставаться при дворе и быть готовой к поручениям, однако до следующего распоряжения у меня оставалось немного времени. Элис посоветовала мне пройтись по саду, пока утренний воздух ещё не успел прогреться.

Сад Уайтхолла был невелик по сравнению с садами неко-

торых загородных резиденций, но ухожен с такой тщательностью, что в нём хотелось задержаться. Вдоль дорожек тянулись аккуратно подстриженные кусты, на клумбах уже распускались ранние цветы, а влажная земля пахла весной. За живой изгородью виднелись стены дворца и узкие окна нижних покоев.

Я шла медленно, стараясь не думать о том, что отец уже покинул Лондон. Впервые с момента приезда я ощущала себя здесь не гостьей, а частью большого и непривычного порядка: теперь у меня были обязанности, место среди дам королевы и необходимость помнить, куда следует идти, когда её величество пожелает меня видеть.

У дальней дорожки я заметила Екатерину Арагонскую. Королева гуляла с дочерью, принцессой Марией. Девочка держала мать за руку и что-то оживлённо рассказывала, то и дело указывая на цветы. Екатерина слушала её с вниманием, которого, казалось, не могли отнять у неё ни государственные заботы, ни придворные церемонии.

Я остановилась и присела в глубоком реверансе.

— Ваше величество. Ваше высочество.

— Леди Роза, — произнесла королева, узнав меня. — Хорошо, что вы вышли подышать свежим воздухом. Вы уже немного освоились в Уайтхолле?

— Стараюсь, ваше величество.

Екатерина улыбнулась.

— Это приходит со временем. Даже те, кто живёт здесь

много лет, порой оказываются не у той двери.

Мария с любопытством посмотрела на меня.

— Вы та самая новая дама, о которой говорила госпожа Блант?

— Вероятно, ваше высочество, — ответила я, стараясь не улыбнуться слишком широко.

— У вас красивая подвеска, — заметила принцесса, взглянув на жемчуг у моего горла.

Я коснулась украшения.

— Благодарю вас. Оно принадлежало моей матери.

— Вы скучаете по ней? — спросила Мария с той прямотой, которая свойственна детям.

На мгновение я растерялась, но королева не стала одёргивать дочь. Она лишь посмотрела на меня с мягким пониманием.

— Да, ваше высочество. Каждый день.

— Моя матушка говорит, что любовь не исчезает, даже когда человека нет рядом, — сказала Мария и крепче сжала руку Екатерины.

Королева ласково погладила дочь по пальцам.

— Это правда, Мария.

Екатерина снова обратилась ко мне:

— Матери остаются с нами дольше, чем нам кажется. Иногда достаточно услышать знакомую мелодию или увидеть цветок, чтобы вспомнить их голос.

Я почувствовала, как к горлу подступил комок.

— Моя мать любила белые розы. В нашем поместье в Кенте она выращивала их у южной стены сада.

— Белые розы? — оживилась Мария. — Здесь тоже есть несколько кустов. Я могу показать вам.

— Это было бы очень любезно, ваше высочество.

Принцесса повела нас к клумбе, где среди тёмной листвы виднелись нежные белые бутоны. Я остановилась возле них. На лепестках ещё держались капли росы, и на короткое мгновение мне показалось, будто я снова стою в саду Роузхолла, рядом с матерью.

— Они похожи на ваши? — спросила Мария.

— Очень. Моя мать говорила, что белая роза прекрасна не потому, что старается привлечь к себе внимание, а потому, что остаётся собой.

Екатерина посмотрела на меня с лёгкой улыбкой.

— Похоже, ваша мать оставила вам не только красивое украшение, но и хорошие слова.

— Я стараюсь их помнить, ваше величество.

Королева некоторое время молчала, а затем произнесла:

— При дворе вам предстоит встречать множество людей. Некоторые будут приветливы, другие — холодны, а третьи станут улыбаться лишь затем, чтобы узнать, что вы можете им дать. Не позволяйте этому изменить ваше представление о себе. Служба требует учтивости и усердия, но не требует от вас забывать собственное достоинство.

Я склонила голову.

— Я постараюсь следовать вашим словам.

— Не старайтесь быть безупречной, леди Роза. Старайтесь быть честной и внимательной. Этого уже немало.

Мария потянула королеву за руку.

— Матушка, вы обещали показать мне остальные цветы.

— И я сдержу обещание, дитя моё.

Екатерина вновь посмотрела на меня.

— Думаю, вам пора отдохнуть перед дальнейшими делами. Если понадобится помощь в освоении распорядка свиты, обратитесь к старшим дамам. Они подскажут вам, что следует делать.

— Благодарю вас, ваше величество.

Я присела в реверансе и отошла, оставив королеву с дочерью у клумбы. Несколько шагов я шла молча. Мне было удивительно спокойно. Екатерина не пыталась казаться близкой, не задавала лишних вопросов и не обещала особого расположения. Но в её словах было столько достоинства и доброты, что я невольно захотела стать достойной доверенной мне службы.

Тогда я ещё не знала, насколько часто буду вспоминать этот короткий разговор.

Завтрак и новости

К завтраку я спустилась в небольшую комнату, где собирались некоторые дамы и придворные, не занятые утренними аудиенциями. До назначенного часа, когда мне следовало вновь присоединиться к дамам королевы, оставалось немно-

го времени.

Помещение было залито мягким светом. На столах стояли блюда с белым хлебом, сыром, фруктами, варёными яйцами и холодным мясом. От серебряного кувшина поднимался лёгкий пар. За окнами дворец уже просыпался окончательно: по мощёному двору проходили слуги, конюхи вели лошадей, а где-то вдалеке звенел колокол.

Мария Болейн уже сидела у окна. Перед ней стояла чашка с горячим напитком, а рядом лежал раскрытый молитвенник.

— Доброе утро, леди Роза, — приветствовала она меня.

— Доброе утро, леди Мария.

Она указала на свободное место напротив.

— Присаживайтесь. Вы сегодня выглядите так, словно ночь была для вас короче, чем следовало.

— Боюсь, я не слишком хорошо спала.

Мария посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Волнение?

— Вероятно. Хотя я надеялась, что к утру оно пройдёт.

— Увы, некоторые чувства не торопятся покидать нас по первому требованию.

Я села и взяла ломтик хлеба.

— Вы говорите так, будто хорошо их знаете.

Мария улыбнулась, но в её взгляде промелькнуло что-то задумчивое.

— С годами начинаешь узнавать даже те чувства, которые

предпочёл бы никогда не испытывать.

Я не стала расспрашивать.

Некоторое время мы ели молча. Затем Мария отложила нож и посмотрела на меня.

— Вы ведь помните, о чём мы говорили вчера вечером?

— Помню.

— И всё же сегодня отправитесь на встречу?

— Да. Я не вижу причины отказываться от приглашения его величества.

— Я и не прошу вас об этом.

Она произнесла это мягко, без упрёка.

— Просто хочу, чтобы вы заранее подумали, как будете вести себя после этой встречи.

— После?

— Да. Иногда сам разговор оказывается самой простой частью истории.

Я нахмурилась.

— Вы полагаете, что король может захотеть увидеть меня снова?

Мария немного помолчала.

— Я полагаю, что не следует строить планы на основании одного приглашения. Но и считать его пустяком тоже не стоит.

— Вы хотите сказать, что даже обычная беседа может вызвать пересуды?

— Не только пересуды, Роза. Люди при дворе замечают,

кому король уделяет время, кого приглашает, кому улыбается. Они могут сделать выводы задолго до того, как вы сами поймёте, что произошло.

Я посмотрела на неё.

— Но ведь я не могу отвечать за чужие догадки.

— Не можете. И всё же вам придётся жить среди людей, которые будут высказывать их так, словно это правда.

Мария отпила немного из чашки, затем продолжила:

— Я не хочу, чтобы вы отказывались от общения или боялись каждого взгляда. Просто не позволяйте чужому вниманию решать за вас, чего вы хотите.

— Мне кажется, вы знаете о дворе гораздо больше, чем я.

— Это несложно, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Вы здесь всего второй день.

Я улыбнулась в ответ.

— А вы всегда были такой серьёзной?

— Нет. В юности я была куда беспечнее.

— И что же изменилось?

Мария на мгновение задумалась.

— Я стала лучше понимать, что не всякая улыбка означает добрые намерения. И не всякое обещание стоит того, чтобы ему верить.

Её слова прозвучали негромко, но я почувствовала, что за ними скрывается нечто личное.

— Я не хочу, чтобы вы думали, будто я совсем не понимаю опасности, — сказала я.

Мария посмотрела на меня с добротой.

— Я не считаю вас глупой, Роза. Напротив. Но иногда даже умные женщины позволяют надежде заглушить здравый смысл.

Я опустила взгляд на чашку.

— А если надежда окажется не напрасной?

— Тогда я буду рада за вас. Искренне. Только не отдавайте ей всё своё сердце прежде, чем поймёте, что вам предлагают взамен.

В этот момент дверь распахнулась.

— Доброе утро! Надеюсь, я ничего не пропустила?

Изабелла Ховард вошла в комнату, придерживая юбки. На ней было бордовое платье с золотистой отделкой, а рыжевато-каштановые волосы были убраны в аккуратную причёску и украшены небольшой жемчужной сеткой. Её орехово-зелёные глаза весело блеснули, когда она увидела меня.

— О, вы уже здесь! — воскликнула она. — Я боялась, что вы решите провести всё утро перед зеркалом.

— А я боялась, что вы решите проспать до обеда, — ответила я.

Изабелла прижала ладонь к груди.

— Какое оскорбление! Я поднялась задолго до того, как меня позвали.

Мария подняла брови.

— И это, разумеется, не имеет никакого отношения к тому, что сегодня во дворце будет музыкальное представле-

ние?

Изабелла уселась рядом со мной и взяла кусочек хлеба.

— Вы слишком хорошо меня знаете.

— К сожалению, — сухо заметила Мария.

— Я тоже рада вас видеть, Мария.

Я рассмеялась.

— Значит, вы всё-таки собираетесь играть? — спросила я.

— Если мне удастся договориться с музыкантами. Вчера один из них заявил, что я слишком быстро меняю темп.

— Возможно, он просто не успевает за вами.

Изабелла довольно улыбнулась.

— Вот! Именно это я и пыталась ему объяснить.

Мария покачала головой.

— Вы обе невозможны.

— Зато с нами не скучно, — заметила Изабелла.

Она намазала хлеб маслом, затем наклонилась ко мне и понизила голос:

— Итак, сегодня у вас важный день.

Я почувствовала, как лицо начинает теплеть.

— Не говорите так громко.

— Я и так говорю почти шёпотом.

— Но вы смотрите на меня так, будто собираетесь объявить об этом всему дворцу.

— Не исключено, что дворец уже всё знает.

— Изабелла, — предостерегающе произнесла Мария.

— Хорошо, хорошо. Я буду осторожна. Но мне всё же лю-

бопытно, как вы собираетесь провести время с королём.

— Я пока не знаю. Мы ещё не виделись.

— Тогда у вас есть прекрасная возможность придумать несколько тем для беседы.

— Я уже придумала слишком много, — призналась я.

Изабелла улыбнулась.

— Вот это я понимаю — подготовка.

Мария посмотрела на неё.

— Не подстрекайте её.

— Я вовсе не подстрекаю. Я помогаю подруге не умереть от волнения до вечера.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Подруге?

Изабелла на мгновение перестала улыбаться, а затем пожала плечами.

— А разве вы против?

Я почувствовала неожиданное тепло.

— Нет. Совсем не против.

— Вот и прекрасно. Тогда считаю вопрос решённым.

Она снова взялась за хлеб.

— И, кстати, если вам станет скучно во время разговора с королём, подумайте о том, что вечером я, возможно, буду играть. Это должно вернуть вам бодрость.

— А если ваша игра окажется ужасной?

— Тогда вы будете обязаны поддержать меня.

— Какая щедрость с моей стороны.

— Я всегда знала, что могу на вас рассчитывать.

Мария улыбнулась, хотя тревога в её глазах никуда не исчезла.

Я же впервые за утро почувствовала, что могу свободно вздохнуть.

***

До встречи оставалось ещё несколько часов.

Я попыталась занять себя чтением, но буквы упрямо расплывались перед глазами. Вскоре я обнаружила, что уже несколько минут смотрю на одну и ту же строку, не запомнив ни единого слова.

Затем я вышла в галерею, где несколько придворных дам занимались рукоделием. Здесь было светлее, чем в комнатах, а высокие окна пропускали прохладный дневной свет. На стенах висели гобелены с изображениями охоты, над резными скамьями стояли небольшие вазы с цветами. Пахло льном, свежей зеленью и воском.

Я присоединилась к дамам и взяла вышивку.

Изабелла устроилась рядом. Она работала над небольшим узором из золотых нитей, но, судя по тому, как часто поднимала глаза, рукоделие занимало её не больше, чем меня.

— Вы сейчас проткнёте ткань насквозь, — заметила она.

Я посмотрела вниз.

— Что?

— Ваше терпение. Оно, кажется, заканчивается быстрее, чем нитка.

Я отложила иглу.

— Я не создана для вышивания в такие дни.

— А для чего же вы созданы?

— Для прогулок, чтения и спокойных бесед.

— Тогда сегодня вам не повезло сразу во всём.

Я тихо рассмеялась.

Изабелла наклонилась ко мне.

— Вы всё ещё думаете о встрече?

— Разве это так заметно?

— Вы уже дважды пытались вышить один и тот же листок. И оба раза он получался похожим на капусту.

— Возможно, это новый узор.

— Тогда он весьма смелый.

Я улыбнулась, а затем немного помолчала.

— Изабелла, вы давно знаете короля?

Она задумалась, отложив вышивку на колени.

— Достаточно давно, чтобы не удивляться, когда он появляется в комнате и все забывают, о чём говорили до этого.

— И какой он?

— Вы хотите услышать моё мнение?

— Разумеется.

— Тогда не ждите, что я назову его простым человеком.

Она чуть улыбнулась.

— Его величество умеет быть очаровательным. Он любит, когда его развлекают, любит музыку и охоту, любит людей, которые не заставляют его скучать. Но настроение у него ме-

няется быстрее, чем погода над Темзой.

— Вы говорите так, будто он непредсказуем.

— Иногда он и сам не знает, чего хочет. По крайней мере, мне так кажется.

Я задумалась.

— А вы никогда не боялись его рассердить?

Изабелла посмотрела на меня.

— Боялась бы, если бы не считала, что страх иногда заставляет человека совершать ещё больше глупостей.

— Вы действительно так думаете?

— Я думаю, что при дворе нельзя позволять себе забывать, с кем имеешь дело. Но и превращаться в испуганную мышь тоже не стоит.

Она снова взяла иглу.

— Однажды я ответила королю слишком поспешно. Он посмотрел на меня так, что я уже мысленно прощалась со всеми своими родственниками.

— И что же вы сказали?

— Что его величество, возможно, не прав.

Я округлила глаза.

— Вы сказали это королю?

— Не совсем такими словами. Я всё-таки дорожу своей головой.

— И он рассердился?

— Сначала. Потом рассмеялся. Но я не советую вам проверять, насколько часто ему нравится подобная откровен-

ность.

Мы переглянулись и тихо рассмеялись.

— Вы его уважаете? — спросила я.

— Конечно. Он король Англии. Но уважение не мешает замечать, что у него есть недостатки.

Я посмотрела на вышивку у себя на коленях.

— Мария тоже говорит о нём с осторожностью.

— Мария умеет замечать то, что другие предпочитают не видеть.

— Вы давно дружите?

— Достаточно, чтобы знать, когда она действительно беспокоится. Обычно в такие минуты она становится особенно вежливой.

Я улыбнулась.

— Значит, сегодня она была очень вежлива.

— Вот именно.

Изабелла на мгновение замолчала, а затем посмотрела на меня внимательнее.

— Можно я спрошу вас кое о чём?

— Конечно.

— Вы хотите увидеть короля потому, что он вам интересен, или потому, что он сам пожелал увидеть вас?

Я удивлённо подняла брови.

— Разве это не одно и то же?

— Нет, Роза. Это совершенно разные вещи.

Я задумалась.

— Мне понравилось разговаривать с ним вчера. Он был внимателен. И мне хотелось бы узнать его получше.

Изабелла кивнула.

— Это честный ответ.

— А какой вы ожидали?

— Не знаю. Возможно, что вы скажете, будто уже влюбились в него.

— Изабелла!

Она тихо рассмеялась.

— Не сердитесь. Я просто хочу, чтобы вы не торопились. Король умеет производить впечатление. Но впечатление — ещё не знание человека.

Я посмотрела на неё.

— Вы говорите почти как Мария.

— Вот уж не думала, что когда-нибудь услышу такое сравнение.

— Значит, вы согласны с ней?

— В некоторых вопросах даже самые разные люди могут быть правы одновременно.

Она вернулась к вышивке.

— А теперь, если вы закончили расспрашивать меня о короле, помогите мне решить, какого цвета сделать следующий цветок.

Я посмотрела на ткань.

— Белого.

— Белого? Почему?

— Потому что он будет выделяться на фоне золотых нитей.

Изабелла прищурилась.

— Вы сейчас говорите о вышивке или о чём-то другом?

— О вышивке, разумеется.

— Конечно, леди Роза. Разумеется.

Мы снова рассмеялись.

В тот момент я ещё не понимала, что Изабелла уже начала наблюдать за мной внимательнее, чем прежде. Она замечала, как меняется моё лицо при упоминании короля, как я невольно прислушиваюсь к шагам в коридоре и как старательно делаю вид, будто вовсе не жду наступления вечера.

***

После вечерней службы дворец постепенно погрузился в привычную суету.

Коридоры наполнились людьми. Слуги зажигали свечи, придворные переходили из одной комнаты в другую, а из большого зала доносились первые звуки музыки. В воздухе смешались запахи воска, духов, жареного мяса и цветов, которыми украшали помещения к вечернему приёму.

Мне передали, что его величество ожидает меня в малой галерее.

Я поблагодарила посыльного и направилась туда.

Малая галерея находилась в более тихой части дворца. Здесь не было такой роскоши, как в больших залах, но помещение казалось особенно уютным. Высокие окна выходили

во внутренний двор, стены украшали гобелены с изображениями охотничьих сцен, а вдоль одной из стен стояли резные деревянные скамьи. Потемневшие от времени панели отражали неровный свет свечей.

На небольшом столике лежали несколько книг, перчатки и раскрытая карта. Рядом стоял серебряный подсвечник с тремя горящими свечами.

Я остановилась у двери.

Короля ещё не было.

Это немного успокоило меня.

Я подошла к окну. Внизу виднелись слуги, спешившие через двор, и несколько лошадей возле конюшен. Один из конюхов что-то говорил другому, размахивая поводьями. Ветер шевелил края их плащей, а над крышами дворца постепенно сгущались сумерки.

Я коснулась жемчужной подвески.

«Не принимайте его любезность за обещание», — вспомнились мне слова Марии.

Я вздохнула.

— Леди Роза.

Я обернулась.

Генрих стоял в дверях.

Я присела в реверансе.

— Ваше величество.

— Поднимитесь. Надеюсь, вы не успели заскучать в ожидании.

— Нет, сир. Я только что пришла.

Он улыбнулся и вошёл в комнату.

Сегодня на нём был тёмный камзол с золотой вышивкой и высокий воротник, отделанный тонким кружевом. На пальце поблёскивало кольцо с тёмно-красным камнем. На плечах не было тяжёлого плаща, который я видела накануне. Без него король казался менее торжественным, но не менее внушительным.

— Я рад, что вы пришли, — произнёс он.

— Благодарю за приглашение, ваше величество.

— Надеюсь, вы не слишком устали от первых дней при дворе и от новых обязанностей в свите королевы.

— Устала, сир. Но, думаю, не больше, чем следовало ожидать.

— Это уже похоже на разумный ответ.

Он указал на кресло возле окна.

— Садитесь, леди Роза.

Я села, сложив руки на коленях. Генрих занял место напротив.

Некоторое время он рассматривал меня, словно пытался понять, с чего начать разговор. Я старалась не выдавать волнения, но чувствовала, как пальцы невольно сжимаются друг с другом.

— Вы успели познакомиться с леди Ховард поближе? — спросил он наконец. — И как вам служба при королеве?

— Да, ваше величество. Она оказалась очень приветли-

вой. А служба при её величестве требует внимания, но я рада, что мне доверили это место.

— Приветливой? — Генрих усмехнулся. — Это весьма деликатное описание Изабеллы.

— А каким было бы ваше?

— Слишком любопытной. И временами чересчур смелой.

— Мне показалось, что она просто не любит скучать.

— В этом вы правы. Ей редко удаётся провести целый день, не оказавшись в центре какого-нибудь события.

Я улыбнулась.

— Надеюсь, не все эти события неприятны.

— Для неё — почти никогда. Для окружающих — не всегда.

Мы оба рассмеялись.

— Значит, вы уже успели стать её защитницей? — спросил он.

— Боюсь, она сама прекрасно справляется.

— Это тоже верно.

Король откинулся на спинку кресла.

— А как вам Уайтхолл после первого дня? Вы уже перестали теряться в коридорах?

— Пока нет, сир. Сегодня я дважды свернула не туда.

— Всего дважды? Значит, вы быстро учитесь.

— Один раз меня спас паж, а второй — запах кухни.

Генрих рассмеялся.

— Запах кухни?

— Да. Я решила, что если буду идти в сторону, откуда доносится еда, то рано или поздно выйду к знакомому месту.

— И куда же вы попали?

— В кладовую.

Король засмеялся ещё громче.

— Полагаю, там вы тоже нашли что-нибудь полезное.

— Только служанку, которая очень удивилась моему появлению.

— Надеюсь, вы не потребовали от неё обеда.

— Нет, сир. Я постаралась сохранить остатки достоинства.

— Напрасно. Иногда хороший обед важнее достоинства.

Я улыбнулась. Мне нравилось, что разговор начался так легко. Вчера я едва решалась поднять глаза, а теперь могла отвечать на его шутки, не обдумывая каждое слово.

— Ваш отец уже уехал? — спросил Генрих.

— Сегодня утром, ваше величество.

— Сэр Ричард не любит долго оставаться вдали от своих владений.

— Он считает, что в Лондоне слишком много шума.

— В этом он не совсем прав.

— Думаю, он был бы рад услышать это от вас.

Генрих усмехнулся.

— Передайте ему, что я не стану спорить с человеком, который предпочитает собственное поместье моему дворцу.

— Он непременно оценит вашу любезность.

Король на мгновение задумался.

— Вы скучаете по нему?

Я посмотрела в сторону окна.

— Да. Хотя он уехал всего несколько часов назад.

— Значит, вы были близки.

— Очень. После смерти матери мы остались вдвоём. Отец не всегда умел говорить о чувствах, но я никогда не сомневалась, что он меня любит.

— Некоторые люди лучше выражают любовь поступками, чем словами.

— Именно таков мой отец.

Генрих кивнул, словно понял сказанное.

— А ваша мать? Вы говорили о ней вчера.

Я невольно коснулась подвески.

— Да, сир.

— Она оставила вам это украшение?

— Она подарила его мне незадолго до смерти.

Он посмотрел на жемчуг.

— Вы носите его каждый день?

— Почти. Мне кажется, пока оно со мной, я не совсем одна.

Генрих не ответил сразу. Его взгляд задержался на подвеске, а затем поднялся к моему лицу.

— Вы часто вспоминаете её?

— Каждый день. Но не всегда грущу. Иногда мне достаточно увидеть белую розу или услышать мелодию, которую

она любила.

— Какую мелодию?

Я назвала ему одну из тех, что мать часто напевала, когда занималась садом или вышивкой.

— Она была простой, — добавила я. — Но мне всегда казалось, что в ней есть что-то очень светлое.

— Вы умеете её сыграть?

— Да, ваше величество. На лютне.

— Тогда однажды я хотел бы её услышать.

— С удовольствием.

Генрих немного помолчал.

— Вы говорите о матери так, словно она до сих пор рядом.

Я опустила глаза.

— Возможно, потому что я часто представляю, что бы она сказала в той или иной ситуации. Иногда это помогает принять решение.

— И что бы она сказала вам сегодня?

Я улыбнулась.

— Вероятно, что я слишком долго выбирала платье.

Король рассмеялся.

— В этом я с ней согласен.

Я тоже улыбнулась, но вскоре заметила, что его выражение изменилось. Он словно задумался о чём-то далёком.

— Вы потеряли давно потеряли вашу матушку, ваше величество? — спросила я осторожно.

Генрих поднял глаза.

— Моя мать умерла, когда я был ещё мальчиком.

Я вспомнила рассказы о Елизавете Йоркской. Королева умерла много лет назад, когда Генрих был ребёнком.

— Мне очень жаль, сир.

— Это было давно.

— Но вы всё ещё помните её?

Он посмотрел в сторону окна. Свет свечи лёг на его лицо, подчеркнув тень у глаз.

— Разумеется. Я был слишком мал, чтобы понимать многое из того, что происходило вокруг меня. Но я помню, что рядом с ней мне не нужно было ни о чём беспокоиться.

Он сделал короткую паузу.

— Когда она была в комнате, всё казалось правильным. Даже если я совершал какую-нибудь глупость, мне казалось, что достаточно дождаться её улыбки — и мир снова станет прежним.

Я слушала, не перебивая.

— Вы были близки? — спросила я.

— Да. Она была добра ко мне. И, вероятно, слишком часто позволяла мне то, чего не позволял отец.

В его голосе появилась лёгкая улыбка.

— Я помню её руки. Она иногда поправляла мне волосы перед тем, как я отправлялся к учителям. И ещё помню, как она слушала мои рассказы, даже когда я говорил слишком долго.

— Думаю, детям всегда кажется, что их истории важнее

всего на свете.

— А разве это не так?

Я улыбнулась.

— Для самих детей — несомненно.

Генрих тихо рассмеялся.

— Вы говорите так, словно сами были весьма разговорчивым ребёнком.

— Боюсь, что да. Отец до сих пор иногда напоминает мне об этом.

— Значит, у нас есть нечто общее.

Он произнёс это с такой непринуждённостью, что я невольно улыбнулась.

Затем я спросила:

— Вы помните её голос?

Генрих повернулся ко мне.

— Почему вы спрашиваете?

— Иногда я боюсь, что однажды забуду, как звучал голос моей матери. Лицо я помню хорошо, а вот голос… — Я запнулась и смущённо опустила глаза. — Простите, я не должна была спрашивать.

Он покачал головой.

— Нет. Не нужно извиняться.

Генрих помолчал.

— Я помню её голос, хотя порой мне кажется, что память меня обманывает. Я помню, как она обращалась ко мне, когда я был ребёнком. Помню её руки. И то, как она улыбалась,

когда я приносил ей очередную свою затею.

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Я, должно быть, был довольно шумным мальчиком.

— Не сомневаюсь, ваше величество.

Он рассмеялся, и напряжение немного рассеялось.

— Вы удивительно легко забываете о том, что перед вами король.

Я смутилась.

— Простите, сир. Я не хотела проявить неуважение.

— Я не сказал, что мне это неприятно.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Вы не похожи на многих придворных. Они часто говорят то, что, по их мнению, я желаю услышать.

— А я, боюсь, не всегда успеваю понять, что именно следует сказать.

— Возможно, именно поэтому с вами интересно беседовать.

Я почувствовала, как щёки начинают теплеть.

Генрих поднялся и подошёл к столику. Он взял одну из книг, полистал страницы и снова посмотрел на меня.

— Вы любите читать?

— Очень, ваше величество.

— Что предпочитаете?

— Поэзию. Иногда французские книги, если удаётся найти хорошие переводы. А ещё мне нравятся рассказы о путешествиях.

— Путешествиях?

— Да. Мне нравится узнавать о землях, в которых я никогда не бывала. Иногда я представляю, как однажды увижу их своими глазами.

— И куда бы вы отправились прежде всего?

Я задумалась.

— Возможно, во Францию. Мне хотелось бы увидеть Париж.

— Почему именно Париж?

— Из-за книг, наверное. Мне кажется, я уже знаю его по описаниям, хотя никогда там не была.

Генрих улыбнулся.

— Любопытно. Многие мечтают о Париже из-за его дворцов и праздников, а вы — из-за книг.

— Дворцы я теперь могу увидеть и здесь, сир.

— И каковы они?

— Великолепны. Но, признаюсь, иногда я предпочла бы библиотеку.

Король рассмеялся.

— Вы опасная женщина, леди Роза. Ещё немного — и я начну подозревать, что книги нравятся вам больше придворных развлечений.

— Иногда это действительно так.

— Тогда мне придётся найти способ вас переубедить.

Он положил книгу на место.

— А латынь вы знаете?

— Немного. Я могу прочесть несложный текст, но не осмелюсь утверждать, что владею языком хорошо.

— Для молодой леди это весьма достойно.

— Мать считала, что знания не должны быть украшением, которое надевают только при гостях.

Генрих посмотрел на меня с одобрением.

— Мудрая женщина.

— Отец всегда говорил, что знания помогают человеку не зависеть от чужих слов.

— Значит, в вашей семье ценят образование.

— Да, ваше величество. Хотя отец предпочитает практические занятия. Он считает, что я должна уметь вести хозяйство не хуже, чем читать стихи.

— И умеете?

Я улыбнулась.

— Боюсь, что с хозяйством у меня получается хуже.

— В таком случае вам ещё есть чему учиться.

— Я начинаю подозревать, что все мои знакомые считают меня недостаточно подготовленной к жизни.

— Возможно, они просто хотят, чтобы вы не забывали учиться.

Он вернулся к своему креслу.

Мне нравилось, что он расспрашивает о моих занятиях. Я ожидала, что разговор с королём будет состоять из комплиментов, любезностей и осторожных ответов. Но он задавал вопросы, на которые мне хотелось отвечать.

И всё же я не забывала, кто сидит передо мной.

Каждое его слово имело вес, которого не имели слова других мужчин.

— Вы сегодня танцевали? — спросил он.

— Нет, сир.

— И почему же?

— Я предпочла немного отдохнуть от вчерашнего вечера.

— Неужели танец со мной оказался таким утомительным?

Я смутилась.

— Нет, ваше величество. Просто мне пришлось привыкать к новому обществу.

— Тогда, возможно, вам стоит ещё немного попрактиковаться.

Он протянул руку.

— Не откажете мне в небольшом танце?

Я посмотрела на его ладонь.

— С удовольствием, сир.

Я вложила свою руку в его.

В этот раз я волновалась меньше, чем накануне. Но, когда Генрих повёл меня по комнате, я всё равно чувствовала, как сердце стучит быстрее.

Музыкантов в галерее не было. Король негромко напевал мелодию, которую, кажется, слышал накануне. Его движения были уверенными, но не торопливыми. Я старалась следовать за ним, не отводя глаз от его лица.

— Вы помните музыку? — спросила я.

— Я помню многое, леди Роза.

Он посмотрел на меня.

— Особенно то, что мне нравится.

Я не знала, что ответить.

Мы сделали несколько шагов, затем повернулись у окна.

— Вы всегда так внимательно следите за каждым движением? — спросил он.

— Когда танцую с королём — да.

— А если бы вашим партнёром был кто-нибудь другой?

— Возможно, я позволила бы себе немного расслабиться.

Генрих рассмеялся.

— Значит, дело во мне?

— В вашем положении, сир.

— Вы весьма осторожно выбираете слова.

— Я стараюсь не наступить вам на ноги.

— Это уже похвальное намерение.

Я улыбнулась.

— Вы очень любезны, ваше величество.

— А вы всё ещё слишком почтительны.

Он чуть крепче придержал мою руку, когда мы повернулись.

— Не бойтесь говорить со мной, леди Роза. Мне нравится беседовать с людьми, которые не пытаются угадать каждый мой следующий вопрос.

— Я постараюсь, ваше величество.

— И всё же вы снова отвечаете так, словно перед вами

совет.

— Видимо, это уже вошло в привычку.

— Тогда нам придётся от неё избавиться.

Мы остановились у окна. На мгновение я услышала только собственное дыхание и отдалённые звуки музыки из большого зала.

— Надеюсь, вы не разочаруетесь в придворной жизни слишком быстро, — произнёс Генрих.

— Я постараюсь увидеть в ней хорошее.

— Это разумно.

Он посмотрел на меня ещё несколько мгновений, затем отпустил мою руку.

— Благодарю вас за беседу, леди Роза.

— Благодарю вас, ваше величество.

Он направился к двери, но остановился на пороге и обернулся.

— И передайте Изабелле, что я надеюсь увидеть её на музыкальном вечере. Она обещала сыграть мне одну мелодию.

Я улыбнулась.

— Думаю, она будет рада.

— В этом я не сомневаюсь.

Он улыбнулся в ответ и вышел.

Я ещё несколько мгновений стояла посреди галереи, глядя на закрывшуюся дверь.

Только когда шаги короля стихли, я позволила себе глубоко вздохнуть.

***

Изабеллу я встретила в коридоре.

Она стояла возле окна и беседовала с одной из придворных дам. Увидев меня, она немедленно закончила разговор и подошла.

— Ну? — спросила она, едва мы оказались рядом.

Я оглянулась.

— Что?

— Не притворяйтесь, леди Роза. У вас лицо человека, которому есть что рассказать.

— Вы слишком много себе воображаете.

— Возможно. Но сейчас я предпочла бы услышать вашу версию событий.

Я тихо рассмеялась.

— Мы разговаривали.

— Это я уже поняла.

— О Кенте, о книгах, о моей матери. Немного о музыке.

Изабелла удивлённо подняла брови.

— О вашей матери?

— Да.

— И что вы рассказали?

Я коснулась подвески.

— Что она умерла семь лет назад. Что любила сад и белые розы. Что научила меня играть на лютне.

Изабелла немного смягчилась.

— Он внимательно слушал?

— Очень.

— И не пытался перебить?

— Нет, Изабелла.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Это уже лучше, чем я ожидала.

— А чего вы ожидали?

— Честно говоря, я не знала. Король умеет быть обаятельным, но я не была уверена, захочет ли он узнать что-нибудь о вас самой.

Я улыбнулась.

— Кажется, захотел.

Изабелла помолчала.

— А вы?

— Что я?

— Вы узнали о нём что-нибудь?

Я задумалась.

— Да. Он рассказал о своей матери.

Изабелла посмотрела на меня внимательнее.

— О королеве Елизавете?

Я кивнула.

— Он помнит её. Даже голос.

— Неудивительно. Он был ещё ребёнком, когда она умерла.

— Он говорил о ней с такой нежностью…

Я замолчала, вновь коснувшись подвески.

— Мне показалось, что он очень скучает по ней.

Изабелла некоторое время молчала, а затем тихо произнесла:

— Наверное, потеря матери оставляет в человеке пустоту, которую не всегда можно заполнить.

— Да.

Она посмотрела на меня.

— И вам было легко говорить с ним об этом?

— Не сразу. Но потом… я перестала так сильно волноваться.

Изабелла кивнула.

— Значит, вы увидели в нём что-то новое.

— Да. Наверное.

— И вам понравилось?

Я отвела взгляд.

— Да.

Изабелла вздохнула.

— Тогда, пожалуй, мне придётся начать волноваться ещё сильнее.

— Вы слишком много волнуетесь.

— Кто-то из нас двоих должен сохранять рассудок.

Мы направились по коридору. Мимо прошли двое слуг с подносами, и Изабелла немного отступила, пропуская их.

— Кстати, он просил передать вам кое-что, — сказала я.

— Мне?

— Его величество надеется услышать вашу игру на музыкальном вечере.

Изабелла остановилась.

— Вот это уже неожиданно.

— Почему?

— Потому что я совершенно не помню, чтобы обещала королю играть.

— Возможно, вы обещали.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Вы уже начинаете перенимать его манеру говорить.

Я рассмеялась.

— Он сказал, что вы умеете находить неприятности.

— И вы, конечно, не стали его разубеждать?

— Нет.

— Предательница!

Мы обе рассмеялись.

Затем Изабелла стала серьёзнее.

— Роза, можно задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Вы надеетесь, что он снова пригласит вас?

Я задумалась.

— Не знаю. Если он пожелает поговорить со мной, я буду рада.

— А если не пожелает?

Я посмотрела на неё.

— Тогда, вероятно, я займусь чем-нибудь другим.

Изабелла удовлетворённо кивнула.

— Хорошо.

— Вы проверяли меня?

— Разумеется. Кто-то же должен.

Я покачала головой, но улыбнулась.

И на мгновение всё снова показалось простым.

***

Когда я вернулась в свои покои, Элис помогла мне снять платье. Я сняла серьги, положила их на столик и расплела волосы. В комнате горела свеча, а за окном постепенно темнело. Из коридора доносились голоса проходивших мимо слуг.

— Как прошла встреча, миледи? — спросила Элис, аккуратно складывая платье.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

— Только хорошо?

— Мы долго разговаривали.

— О чём?

— О Кенте. О матери. О книгах. О музыке.

Элис посмотрела на меня через зеркало.

— Значит, вы нашли общий язык.

— Похоже на то.

— А король оказался таким, каким вы его представляли?

Я задумалась.

— Не совсем.

— В худшую или лучшую сторону?

— Я пока не знаю.

Элис улыбнулась.

— Это уже гораздо интереснее, чем просто «хорошо».

Я подошла к окну.

Лондон уже погрузился в сумерки. Над крышами поднимался дым, а в окнах дворца зажигались огни. Где-то вдалеке звучала музыка, и я на мгновение представила, как в большом зале кружатся пары, как свечи отражаются в золотой вышивке платьев и как придворные обмениваются новостями, которые к утру успеют обрасти новыми подробностями.

Я думала о Генрихе.

О том, как изменился его голос, когда он заговорил о матери. О том, как внимательно он слушал мои рассказы о саде. О его улыбке и о том, как легко мне было отвечать на его вопросы.

Мне казалось, что я увидела в нём нечто, чего не замечала накануне.

Не только короля.

Человека, который тоже помнил тех, кого потерял.

Я коснулась жемчужной подвески.

Может быть, именно поэтому мне захотелось снова с ним поговорить.

— Миледи? — тихо позвала Элис.

— Да?

— Вы улыбаетесь.

Я повернулась к ней.

— Разве это запрещено?

— Нет. Просто сегодня вы делаете это гораздо чаще, чем

вчера.

— Возможно, день был удачным.

Элис посмотрела на меня с мягкой улыбкой.

— Тогда я рада за вас.

Я снова повернулась к окну.

В тот вечер я ещё долго не могла уснуть. Вспоминала разговор, отдельные слова, интонации, выражение его лица, когда он говорил о матери. Я пыталась понять, почему именно этот момент запомнился мне сильнее всего.

В конце концов я решила, что просто рада была встретить человека, который понимал, каково это — хранить память о тех, кого уже нельзя обнять.

Тогда мне казалось, что этого достаточно.

***

Много лет спустя я поняла, что та встреча значила для меня гораздо больше, чем я могла предположить.

Я запомнила не приглашение на танец и даже не слова короля о моей матери. Я запомнила мгновение, когда он перестал быть для меня лишь величественным незнакомцем, окружённым золотом, свитой и почтением.

Он заговорил о своей матери — и на короткое время передо мной оказался мальчик, который когда-то тоже потерял самого близкого человека.

Возможно, именно тогда между нами появилась первая незримая нить.

Но я была слишком молода, чтобы понять её природу.

Я ещё не знала, что сочувствие может стать началом привязанности, что привязанность не всегда означает любовь, а любовь не всегда способна защитить.

И я помнила другое утро — утро, когда отец уехал обратно в Кент. Тогда мне казалось, что он оставляет меня одну в огромном дворце. Лишь много лет спустя я поняла, что он не оставлял меня: он просто позволял мне сделать первый самостоятельный шаг.

В тот вечер я заснула с улыбкой.

И впервые за долгое время мне снился не Кент и не сад белых роз.

Мне снился король.

Глава III. «Тени Уайтхолла»

Воспоминание

Теперь, когда я прожила достаточно долгую жизнь, чтобы увидеть, как меняются короли, королевы и целые поколения придворных, я понимаю: дворец никогда не был просто местом, где живут монархи.

Он был отдельным миром. Миром, в котором улыбка могла оказаться милостью, молчание — оскорблением, а случайная встреча — началом долгой истории. Здесь люди следили не только за словами, но и за тем, кому они были сказаны, каким тоном и в присутствии кого. Даже самые невинные поступки могли получить смысл, о котором тот, кто их совершил, не подозревал.

В юности я полагала, что достаточно быть доброй, честной и воспитанной, чтобы заслужить расположение окружающих. Мне казалось, что хорошее происхождение и безупречные манеры станут надёжной защитой от чужой зависти.

Я ещё не знала, что при дворе добродетель не всегда вознаграждается, а искренность порой обходится дороже лжи.

Но в те дни я была всего лишь Розой Уайт — дочерью графа из Кента, новой дамой в свите королевы Екатерины Арагонской.

И я ещё верила, что моя жизнь принадлежит мне одной.

***

Я проснулась прежде, чем в комнате стало светло.

За окном стоял туман. Он окутывал дворцовые крыши, башни и внутренний двор, делая очертания зданий расплывчатыми, словно Уайтхолл был не настоящим дворцом, а декорацией, возведённой среди облаков. В камине догорали угли. Воздух был прохладным, и я невольно натянула одеяло на плечи.

Несколько мгновений я лежала неподвижно, прислушиваясь к звукам за дверью.

Дворец просыпался.

По коридору прошла служанка, звякнули металлические застёжки, где-то неподалёку мужской голос отдал короткое распоряжение. Затем послышались быстрые шаги и скрип тяжёлой двери. Уайтхолл никогда не замирал окончательно. Даже ночью здесь кто-то бодрствовал, кто-то нёс службу, кто-то ждал приглашения или боялся получить приказ.

Я повернулась к окну.

В Кенте утро пахло бы влажной травой, землёй и цветами. Я представила сад Роузхолла, южную стену, вдоль которой мать когда-то посадила белые розы, и старую скамью под раскидистой яблоней. Наверное, отец уже был в большом зале. Он всегда вставал рано, даже в те дни, когда ему не требовалось ехать в Лондон или заниматься делами поместья.

Мне вдруг захотелось услышать его голос.

Не тот строгий голос, которым он наставлял меня перед отъездом, а обычный, домашний, с которым он спрашивал, хорошо ли я спала, или замечал, что я снова забыла взять плащ перед прогулкой.

Я скучала по дому сильнее, чем ожидала.

В дверь постучали.

— Миледи?

— Входи, Элис.

Моя служанка появилась с кувшином воды. За ней вошла девушка с корзиной белья. Элис выглядела так, будто успела прожить уже половину дня: её волосы были тщательно убраны под чепец, рукава платья аккуратно закатаны, а на лице читалась деловая сосредоточенность.

— Доброе утро, миледи. Вы уже проснулись?

— Как видишь.

— Я надеялась, что вы поспите подольше. Вчера вы вернулись довольно поздно.

— Мне следовало бы лечь раньше.

— Вам следовало бы позволить себе отдыхать, миледи. Но я начинаю подозревать, что вы приехали в Уайтхолл не для того, чтобы спать.

Я улыбнулась.

— А для чего же, по-твоему?

— Чтобы рассматривать дворец, знакомиться с людьми и запоминать каждую мелочь.

— Ты говоришь так, будто это дурные занятия.

— Нет, миледи. Просто утомительные.

Элис поставила кувшин на стол и подошла к сундуку с платьями.

— Её величество желает видеть дам до завтрака. Нам следует поторопиться.

— Известно, по какой причине?

— Нет. Но с рассвета слуги бегают по коридорам так, словно дворец собирается принять сразу всех послов христианского мира.

— Возможно, так и есть.

— Тогда я надеюсь, что послы подождут, пока вы оденетесь.

Она произнесла это с такой серьёзностью, что я рассмеялась.

Элис перебрала несколько платьев и наконец вынула кремовое, расшитое золотом по рукавам и лифу.

— Это?

Я кивнула.

— Оно подойдёт.

— Вы уверены? Вчера вы надевали его на вечерний приём.

— Вчера я была одной из новых дам, сегодня я всё ещё одна из новых дам. Не думаю, что за ночь положение изменилось настолько, чтобы мне понадобилось другое платье.

— Вы шутите, миледи, но некоторые женщины при дворе, кажется, действительно считают, что каждый день требует

нового наряда.

— Пусть считают. Я не намерена соревноваться с ними в количестве платьев.

Элис улыбнулась, помогая мне подняться.

— Это разумно.

Пока она затягивала шнуровку корсажа, я смотрела на своё отражение в небольшом зеркале. Моё лицо всё ещё сохраняло юношескую мягкость. Рыжевато-каштановые волосы отливали медью в свете свечи, а веснушки на переносице становились заметнее, когда я краснела. Я никогда не считала себя красавицей, хотя мать уверяла, что красота женщины не всегда заключается в правильности черт.

— Вы сегодня задумчивы, — заметила Элис.

— Просто вспоминала дом.

— Роузхолл?

— Да.

— Ваш отец, должно быть, уже соскучился.

— Он не станет этого показывать.

— Мужчины часто считают, что скучать — значит проявлять слабость.

— Мой отец не боится слабости, Элис. Он просто не любит говорить о чувствах.

— А вы?

Я посмотрела на неё через зеркало.

— Что я?

— Вы любите говорить о чувствах?

— Пожалуй, слишком часто.

Элис тихо засмеялась.

— Тогда вам будет непросто при дворе.

— Почему?

— Потому что здесь многие предпочитают не говорить того, что чувствуют.

Я не ответила. Мне показалось, что в её словах было больше правды, чем она сама собиралась вложить.

Когда причёска была закончена, я достала с туалетного столика жемчужную подвеску. Небольшая жемчужина в простой золотой оправе — не самое дорогое украшение, которое можно было увидеть при английском дворе, но для меня она значила больше всех драгоценностей, которые когда-либо могли оказаться в моём распоряжении.

Я застегнула цепочку.

— Она вам очень идёт, — сказала Элис.

— Мама носила её почти каждый день.

— Тогда неудивительно, что вы так дорожите ею.

Я коснулась жемчужины кончиками пальцев.

— Иногда мне кажется, что если я перестану её носить, то забуду, как она выглядела.

— Вы не забудете, миледи.

Я посмотрела на служанку.

— Ты так уверена?

— Вы рассказываете о ней чаще, чем думаете. Я уже знаю, что она любила белые розы, книги и музыку. Знаю, что она

учила вас французскому и что вы храните её молитвенник. Вы не забываете её, миледи. Вы просто продолжаете жить.

Я не нашла, что ответить.

Вскоре я была готова.

— Ну что ж, Элис, — сказала я, направляясь к двери. — Посмотрим, что приготовил нам сегодняшний день.

— Надеюсь, он окажется добрее вчерашнего.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что вчера вы танцевали с королём, а сегодня об этом, вероятно, уже знает половина дворца.

Я остановилась.

— Элис!

Она невозмутимо поправила складку на своём переднике.

— Я ничего не говорила, миледи.

— Именно это меня и беспокоит.

***

Покои Екатерины Арагонской были наполнены мягким утренним светом.

На столике возле окна стояли серебряный кувшин, чашка с горячим напитком и небольшая ваза со свежими цветами. Королева сидела в кресле, держа раскрытую книгу. На ней было тёмно-бордовое платье с золотой вышивкой, а на груди покоился крест. Её осанка оставалась безупречной, даже когда она отдыхала.

Я присела в реверансе.

— Ваше величество.

Екатерина подняла глаза.

— Леди Роза. Подойдите, моя дорогая.

Я приблизилась.

— Надеюсь, вы хорошо спали?

— Да, ваше величество. Благодарю вас.

— Хорошо. Первые дни в новом доме редко бывают спокойными. Особенно если этот дом — королевский дворец.

Она закрыла книгу и указала на кресло напротив.

— Присядьте. Я хотела поговорить с вами до того, как мы приступим к делам.

Я села, стараясь держать спину прямо.

— Вы уже немного освоились?

— Стараюсь, ваше величество. Хотя иногда мне кажется, что в этом дворце больше дверей, чем комнат.

Екатерина улыбнулась.

— Это потому, что вы ещё не знаете, за какими из них стоит открывать.

Я не сразу поняла её слова.

— Простите, ваше величество?

— Не все двери ведут туда, куда обещают. И не всякий человек, который приглашает вас войти, желает вам добра.

Её голос был мягким, но в нём слышалась такая уверенность, что я невольно выпрямилась.

— Сегодня вы с леди Изабеллой будете сопровождать меня в течение всего утра. Вам предстоит увидеть, как устроены мои повседневные дела, и постепенно принять на себя

некоторые обязанности.

— Я буду счастлива служить вам, ваше величество.

— Я знаю, что вы приехали сюда с добрыми намерениями. Но одной доброты недостаточно.

Я подняла глаза.

— Что вы имеете в виду?

Екатерина сложила руки на коленях.

— Вы должны научиться замечать людей. Не только тех, кто стоит рядом с вами на церемониях, и не только тех, кто может оказаться вам полезен. Смотрите на тех, кто остаётся в стороне. На девушек, которые боятся заговорить. На женщин, которые вынуждены улыбаться, когда им хочется плакать.

Она ненадолго замолчала.

— И смотрите на тех, кто наблюдает за ними.

— Вы говорите о придворных интригах, ваше величество?

— Я говорю о человеческой природе. Интриги лишь придают ей более красивую одежду.

Я невольно улыбнулась.

— Вы хотите, чтобы я научилась различать тех, кто нуждается в помощи, и тех, кто пытается воспользоваться чужой слабостью?

— Именно.

— Это кажется непростой задачей.

— Она и есть непростая. Но вы не должны становиться

подозрительной ко всем. Недоверие так же опасно, как слепая доверчивость.

Екатерина посмотрела на меня внимательнее.

— Вы молоды, леди Роза. Не позволяйте этому дворцу отнять у вас способность сострадать. Но и не отдавайте своё сердце каждому, кто попросит о нём красивыми словами.

Я почувствовала, что краснею, и опустила глаза.

Неужели королева уже знала о вчерашнем танце? Или это было обычное наставление, которое она давала каждой молодой даме?

Екатерина, казалось, не заметила моего смущения.

— Ваша мать была из образованной семьи, насколько мне известно.

— Да, ваше величество. Она любила книги и музыку. Она обучала меня французскому, чтению и письму.

— А латыни?

— Только основам. Я не могу похвастаться большими знаниями.

— Не скромничайте. Многие женщины при дворе не могут похвастаться даже тем, что умеют читать письмо без помощи секретаря.

Она протянула руку к столу и взяла один из листов.

— Прочтите, пожалуйста, первые строки.

Я развернула письмо. Оно было написано по-французски, почерк оказался довольно мелким, но разобрать его было нетрудно. Я прочитала несколько предложений, стараясь не

сбиваться.

Екатерина слушала, слегка склонив голову.

— Хорошо. Ваша мать позаботилась о том, чтобы вы получили достойное образование.

— Она считала, что женщина должна уметь думать самостоятельно.

— В этом она была права.

Королева взяла письмо обратно.

— Я знала немало женщин, которые были вынуждены доверять чужому пересказу, потому что не могли прочитать собственные письма. Это опасное положение.

Я вспомнила мать. Её пальцы, придерживающие страницу, голос, которым она читала мне стихи, терпение, с которым исправляла мои ошибки.

— Она говорила, что знания остаются с человеком даже тогда, когда всё остальное у него отнимают.

Екатерина долго смотрела на меня.

— Мудрые слова.

— Я скучаю по ней, ваше величество.

Королева протянула руку и коснулась моей ладони.

— Разумеется, дитя моё. Семь лет — долгий срок, но не для сердца.

Я почувствовала, как к глазам подступают слёзы, и поспешно отвела взгляд.

— Простите меня.

— За что же?

— Я не хотела говорить о печальном.

— Печаль не становится менее достойной только потому, что о ней говорят вслух.

Екатерина отпустила мою руку.

— Идите. Скоро к нам присоединится леди Изабелла. Сегодня вам обеим предстоит много работы.

***

Изабелла появилась спустя несколько минут.

Она сделала изящный реверанс, но, заметив моё лицо, чуть приподняла брови.

— Я ничего не пропустила, ваше величество?

— Только часть утреннего наставления, леди Изабелла.

— В таком случае надеюсь, что леди Роза запомнила всё за нас обеих.

— Я постараюсь, — ответила я.

— Это уже больше, чем я могу обещать.

Екатерина улыбнулась.

— Вы обе будете сопровождать меня сегодня. Сначала письма, затем приготовление к приёму. Мне понадобится ваше внимание.

— Разумеется, ваше величество, — ответили мы почти одновременно.

Работа оказалась куда менее торжественной, чем я ожидала. На столе лежали письма из Испании, Франции и нескольких английских поместий. Секретарь королевы передавал Екатерине документы, а мы помогали сортировать их, про-

верять списки и готовить необходимые принадлежности.

Затем принесли образцы ткани.

Несколько кусков золотого шёлка разложили на столе возле окна. Один был чуть светлее другого, третий отливал медью, четвёртый казался почти белым в солнечном свете.

Изабелла склонилась над ними.

— Роза, скажи мне, пожалуйста, они действительно разные?

— Разумеется.

— Чем?

Я посмотрела на неё.

— Этот светлее.

— Какой именно?

— Тот, что справа.

Она перевела взгляд на ткань.

— А этот?

— Тоже отличается.

— Чем?

— Изабелла, ты меня дразнишь.

— Я пытаюсь понять, как можно найти столько различий в нескольких кусках золотого шёлка.

— Нужно просто смотреть внимательнее.

— Я смотрю так пристально, что скоро начну видеть эти ткани даже с закрытыми глазами.

Я рассмеялась.

— Тогда, пожалуй, тебе следует отойти от стола.

— С удовольствием. Но боюсь, что королева заметит моё отсутствие.

Екатерина подняла голову.

— Я уже заметила, леди Изабелла.

Подруга мгновенно выпрямилась.

— Простите, ваше величество.

— Не стоит. Я рада, что вы обе ещё способны смеяться. При дворе это полезное качество, если только не забывать, когда следует быть серьёзными.

Изабелла склонила голову.

— Я постараюсь помнить, ваше величество.

— Надеюсь. А теперь помогите леди Розе закончить выбор ткани.

Мы вновь принялись за работу.

Когда всё было готово, Екатерина отпустила нас ненадолго отдохнуть.

***

Мы вышли в длинную галерею, где из высоких окон открывался вид на внутренний двор.

Изабелла сразу же сняла перчатки и вздохнула.

— Если мне когда-нибудь придётся ещё раз выбирать между четырьмя оттенками золотого шёлка, я уйду в монастырь.

— Ты говорила это утром.

— Утром я ещё не знала, насколько серьёзно обстоят дела.

— И что ты будешь делать в монастыре?

— Молиться о том, чтобы Господь избавил меня от золотого цвета.

— Это довольно необычная просьба.

— Уверена, Господь поймёт.

Мы рассмеялись.

Но едва мы прошли несколько шагов, Изабелла вдруг замедлила ход.

— Роза, можно спросить тебя кое о чём?

— Ты уже спрашиваешь.

— Тогда можно задать вопрос, на который ты не станешь отвечать шуткой?

Я посмотрела на неё.

— Попробуй.

Изабелла некоторое время молчала. Затем повернулась ко мне.

— Ты вчера долго разговаривала с королём.

Я почувствовала, как внутри что-то настороженно дрогнуло.

— Мы говорили о музыке.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я была в зале, Роза. И, в отличие от некоторых придворных, не закрываю глаза, когда король приглашает молодую даму на танец.

— Ты преувеличиваешь.

— Возможно. Но не настолько, насколько тебе хотелось

бы.

Я остановилась возле окна.

— Изабелла, это был обычный танец. Король был любезен, я ответила ему с должным почтением. Ничего необычного не произошло.

— Я не говорю, что произошло что-то необычное.

— Тогда почему ты об этом спрашиваешь?

Она посмотрела на меня с неожиданной серьёзностью.

— Потому что я твоя подруга.

Её слова заставили меня замолчать.

Изабелла подошла ближе и понизила голос.

— Послушай. Я не собираюсь запрещать тебе разговаривать с королём. Да и кто я такая, чтобы запрещать? Но ты должна понимать, с кем имеешь дело.

— Я прекрасно знаю, кто он.

— Нет, Роза. Ты знаешь его имя, его титул и то, что весь двор склоняется перед ним. Но это не то же самое, что понимать его положение.

— Он человек, как и все остальные.

— Разумеется. Только у этого человека есть корона, армия, совет и власть решать судьбы тех, кто ему не угоден.

Я нахмурилась.

— Ты говоришь так, будто я должна его бояться.

— Нет. Я хочу, чтобы ты не забывала, насколько он отличается от любого другого мужчины, который может пригласить тебя на танец.

— Он не сделал ничего дурного.

— Пока.

Я резко повернулась к ней.

— Изабелла!

Она сразу смягчилась.

— Прости. Я не хотела тебя пугать.

— Тогда не говори так.

— Хорошо.

Она взяла меня под руку.

— Но позволь мне сказать ещё кое-что. Ты приехала сюда служить королеве. Ты хотела быть достойной своего отца, достойной памяти матери. Ты мечтала увидеть двор и узнать, как живут люди, о которых прежде читала только в книгах.

— Да.

— Не позволяй вниманию короля стать важнее всего этого.

Я посмотрела на неё.

— Ты думаешь, я настолько легкомысленна?

— Нет. Я думаю, что ты способна увлечься человеком, который покажется тебе необыкновенным.

— А если он действительно необыкновенный?

Изабелла вздохнула.

— Тогда тебе придётся быть вдвойне осторожной.

Мы некоторое время молчали.

— Ты ведь не думаешь, что я уже влюбилась в него? — спросила я наконец.

Изабелла повернула голову и посмотрела на меня.

— Нет, Роза. Пока нет.

— Тогда зачем все эти предостережения?

— Потому что я знаю это по себе. Ты умеешь видеть в людях лучшее. И иногда забываешь, что у них есть и другая сторона.

— Ты несправедлива.

— Возможно. Но я предпочитаю быть несправедливой сейчас, чем однажды сидеть рядом с тобой, когда ты будешь плакать, и вспоминать, что могла тебя предупредить.

Её голос стал тише.

Я посмотрела на неё и вдруг почувствовала нежность.

— Ты действительно обо мне беспокоишься.

— Конечно. Кто-то же должен.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

Изабелла пожала плечами, словно хотела скрыть собственное смущение.

— Только не заставляй меня повторять это слишком часто. У меня есть репутация женщины, которая не склонна к сентиментальности.

— Твоя репутация в безопасности.

— Надеюсь.

Она вновь взяла меня под руку, и мы пошли дальше.

Но её слова остались со мной.

***

Возле лестницы мы встретили Чарльза Брэндона, герцога Саффолк.

Он стоял с двумя придворными, обсуждая что-то, связанное с королевскими конюшнями. На нём был тёмный камзол, украшенный золотой вышивкой, а через плечо лежала короткая меховая накидка. Он выглядел человеком, который привык к ранним подъёмам, верховой езде и долгим дням, проведённым среди мужчин, обсуждающих дела короля.

Заметив нас, он прервал разговор.

— Леди Роза. Леди Изабелла.

Мы присели в поклоне.

— Милорд.

— Надеюсь, я не помешал вам?

— Вовсе нет, милорд, — ответила я.

Изабелла посмотрела на него с любопытством.

— Мы как раз обсуждали, насколько тяжела придворная служба.

Чарльз приподнял бровь.

— И к какому заключению вы пришли?

— Что она гораздо утомительнее, чем кажется со стороны.

— Тогда вы уже знаете больше, чем многие придворные, которые служат здесь годами.

Изабелла улыбнулась.

— Значит, мы быстро учимся.

— Я вижу.

Он перевёл взгляд на меня.

— А вы, леди Роза? Как проходят ваши первые дни?

— Благополучно, милорд. Я начинаю узнавать дворец и знакомиться с обязанностями при её величестве.

— Это нелёгкая задача.

— Пока мне всё кажется новым.

— Так и должно быть. Когда перестанете замечать новое, значит, дворец окончательно вас поглотил.

Я улыбнулась.

— Надеюсь, до этого ещё далеко.

— Надеюсь и я.

Чарльз чуть склонил голову.

— Королева Екатерина хорошо приняла вас?

— Она очень добра ко мне, милорд.

— Это на неё похоже.

В его голосе прозвучала искренняя теплота.

— Королева обладает редким достоинством. Я знаю её много лет и не перестаю удивляться её терпению.

— Она кажется мне очень сильной женщиной.

— Она и есть сильная женщина, леди Роза. Просто не всегда считает нужным это доказывать.

Я подумала о нашем утреннем разговоре.

— Вы давно служите королю, милорд?

— Достаточно давно, чтобы знать, что при дворе не бывает по-настоящему спокойных дней.

— Даже сегодня?

— Особенно сегодня. Просто пока никто не сообщил вам,

почему.

Изабелла рассмеялась.

— Милорд, вы говорите так, словно каждый день ожидаете неприятностей.

— Я не ожидаю их, леди Изабелла. Я лишь стараюсь не удивляться, когда они приходят.

— Это, должно быть, утомительно.

— Гораздо утомительнее, чем выбирать золотую ткань, полагаю.

Изабелла посмотрела на меня.

— Вы слышали, милорд? Даже герцог понимает наши страдания.

— В таком случае я должен выразить вам своё сочувствие.

— Мы его принимаем.

Я улыбнулась, наблюдая за их обменом репликами. Чарльз Брэндон обладал лёгкостью в общении, которая не требовала от собеседника усилий. Он умел шутить, не унижая другого, и слушать, не заставляя человека чувствовать себя незначительным.

Но за этой непринуждённостью чувствовалась привычка к власти. Он не нуждался в том, чтобы напоминать о своём положении: оно и без того было очевидно.

— Если вам когда-нибудь понадобится помощь в том, чтобы найти дорогу по дворцу, — сказал он, обращаясь ко мне, — обращайтесь. Я не обещаю привести вас кратчайшим путём, но хотя бы постараюсь не потерять.

— Это весьма любезно, милорд.

— Я стараюсь быть полезным.

— Не слишком ли часто вы предлагаете помощь незнакомым дамам? — спросила Изабелла.

Чарльз рассмеялся.

— Только тем, кто способен оценить её.

— Тогда нам следует быть осторожными, милорд. Мы можем начать обращаться к вам слишком часто.

— В таком случае мне придётся надеяться, что вы будете выбирать подходящие поводы.

Мы попрощались.

Когда герцог отошёл, Изабелла проводила его взглядом.

— Он приятный человек.

— Да, — ответила я. — И, кажется, хорошо относится к королеве.

— Это уже немало.

— Ты снова говоришь загадками.

— Нет, Роза. Просто я заметила, что мужчина, который уважает женщину не только за её положение, заслуживает внимания.

Я задумалась.

— Возможно, ты права.

— Разумеется, я права. Но не говори ему об этом. Он может стать невыносимым.

***

После полудня Екатерина принимала нескольких знатных

дам.

Большой зал был украшен гобеленами с библейскими сюжетами. На длинных столах стояли серебряные кубки, блюда с фруктами и кувшины с вином. Сквозь высокие окна проникал свет, и золотая вышивка на одеждах гостей мерцала при каждом движении.

Я находилась неподалёку от королевы, когда в зал вошла молодая леди со своей спутницей.

Девушка выглядела растерянной. Она несколько раз оглянулась, не понимая, куда ей следует пройти. Её пальцы нервно теребили край рукава, а на щеках проступил румянец.

Я узнала в ней себя первых дней при дворе.

Подойдя ближе, я негромко сказала:

— Миледи, позвольте помочь вам.

Девушка вздрогнула и быстро повернулась.

— Простите, миледи. Я… я не знаю, куда мне следует пройти.

— Не беспокойтесь. Вы впервые присутствуете на приёме у её величества?

Она кивнула.

— Да. Мой отец сказал, что я должна вести себя достойно, но не объяснил, где мне следует стоять и к кому обращаться.

Я улыбнулась.

— Отцы часто полагают, что подобные вещи известны девушкам с рождения.

Она тихо рассмеялась, и напряжение на её лице немного

ослабло.

— Я тоже так думала, пока не оказалась здесь.

— Поверьте, я сама ещё привыкаю к порядкам дворца.

Девушка посмотрела на меня с удивлением.

— Но вы выглядите так уверенно.

— Это потому, что я очень стараюсь.

Она улыбнулась.

— Меня зовут Энн, миледи.

— Очень приятно, леди Энн.

Я проводила её к свободному месту и объяснила, где ей следует ожидать дальнейших распоряжений. Она слушала внимательно, стараясь запомнить каждое слово.

— Благодарю вас, миледи, — сказала она, когда я закончила. — Я боялась, что совершу ошибку.

— Ошибки случаются со всеми. Главное — не позволять страху мешать вам учиться.

— Вы очень добры.

— Когда-нибудь вы сможете помочь другой девушке, которая впервые окажется здесь.

Она кивнула.

Когда я вернулась к королеве, Екатерина посмотрела на меня.

— Вы помогли молодой леди?

— Да, ваше величество. Она впервые присутствует на приёме и не знала, куда пройти.

— Я заметила, что она выглядела испуганной.

— Ей было трудно разобраться в порядке церемонии.

Екатерина слегка улыбнулась.

— И вы решили, что ей следует помочь.

— Я вспомнила собственные первые дни при дворе, ваше величество.

Королева задержала на мне взгляд.

— Хорошо сделали, леди Роза.

Я склонила голову.

— Благодарю вас.

— Никогда не считайте подобные поступки незначительными. Иногда человеку достаточно одного доброго слова, чтобы перестать бояться целого дворца.

Я почувствовала, как внутри разливается тепло.

Но прежде чем успела ответить, заметила, что одна из пожилых дам наблюдает за нами.

Она стояла неподалёку, среди других придворных, и держала в руках маленький веер. Её лицо оставалось спокойным, но взгляд задержался на мне дольше, чем требовалось.

Я не знала её имени.

Возможно, мне следовало обратить на неё внимание. Возможно, я должна была заметить, как она едва заметно поджала губы, когда Екатерина похвалила меня.

Но я была слишком молода, чтобы понимать, что даже самый скромный знак королевского расположения способен вызвать чью-то неприязнь.

Я отвела взгляд.

В тот день мне казалось, что я всего лишь помогла растерянной девушке.

***

К вечеру дворец стал тише.

В моих покоях горели свечи, в камине потрескивали свежие поленья, а за окнами сгущались сумерки. Я сняла жемчужные серьги и положила их рядом с подвеской матери. После долгого дня мне хотелось тишины, но я знала, что Изабелла непременно заглянет ко мне.

Так и случилось.

Она вошла без особой торжественности, как входила всегда, когда мы оставались наедине.

— Ты ещё не легла?

— Как видишь.

— Прекрасно. Я боялась, что придётся разговаривать с твоей служанкой.

— Элис, вероятно, была бы рада. Она считает тебя более интересным собеседником, чем меня.

— У Элис хороший вкус.

Я рассмеялась.

Изабелла сняла перчатки и устроилась в кресле возле камина. Элис принесла нам горячий напиток и блюдо с фруктами, после чего оставила нас одних.

Некоторое время мы говорили о прошедшем дне. Изабелла рассказывала, как одна из дам едва не уронила кубок во время приёма, а я поведала ей о молодой Энн, которая так

боялась сделать что-нибудь не так.

— Ты всегда замечаешь таких девушек? — сказала Изабелла.

— Каких?

— Тех, кто стоит в стороне. Кто не знает, куда идти, и боится спросить.

— Разве это плохо?

— Нет. Но не всем при дворе понравится, что ты так много внимания уделяешь другим.

— Почему?

Изабелла посмотрела на меня поверх кубка.

— Потому что здесь некоторые считают доброту слабостью, а внимание королевы — наградой, которую следует заслужить.

Я вспомнила пожилую даму, наблюдавшую за мной во время приёма.

— Ты думаешь, я кому-то не понравилась?

— Я думаю, что ты не должна считать всех вокруг своими друзьями.

— Но я никого не обидела.

— Иногда этого достаточно, чтобы кому-то не понравиться.

Я задумалась.

— Мне не хочется жить, постоянно ожидая чужого недовольства.

— И не нужно. Просто не забывай смотреть по сторонам.

Она поставила чашку на столик и протянула мне руку.

— Знаешь, Роза, я рада, что мы оказались здесь вместе.

— Я тоже.

— Я иногда думаю, как бы я справлялась со всем этим, если бы ты не приехала.

— Ты нашла бы себе другую подругу.

— Возможно. Но она наверняка была бы гораздо скучнее.

Я улыбнулась.

— Ты совершенно не умеешь делать комплименты.

— Я предпочитаю говорить правду.

Я сжала её ладонь.

— Я тоже рада, что ты рядом.

Изабелла на мгновение стала серьёзной.

— Тогда давай договоримся об одном.

— О чём?

— Если однажды кто-нибудь из нас совершит глупость, другая обязана сказать об этом прямо.

— Даже если это будет неприятно?

— Особенно если это будет неприятно.

Я задумалась.

— Хорошо. Обещаю.

— И ещё. Мы не позволим этому дворцу сделать нас чужими друг другу.

— Я этого не хочу.

— И я.

Мы помолчали.

Затем Изабелла вновь улыбнулась, и в её глазах появилось знакомое озорство.

— А теперь скажи мне честно: ты действительно не думала о короле весь день?

Я закрыла лицо ладонью.

— Изабелла!

Она рассмеялась.

— Что? Я всего лишь задаю вопрос.

— Ты обещала не мучить меня.

— Я обещала говорить правду. А правда заключается в том, что ты сегодня трижды посмотрела на дверь, когда по коридору проходили мужчины.

— Это неправда.

— Дважды, если быть точной.

— Ты следила за мной?

— Разумеется. Кто-то же должен.

Я рассмеялась, несмотря на собственное смущение.

— Ты невыносима.

— Но ты меня любишь.

Я посмотрела на неё и улыбнулась.

— Да. Люблю.

На мгновение она перестала улыбаться, а затем крепко сжала мою руку.

— И я тебя, Роза.

В тот вечер мне казалось, что у меня есть всё, что нужно молодой девушке: дом, к которому можно вернуться, подру-

га, которой можно доверять, и служба при королеве, чьё достоинство вызывало у меня искреннее восхищение.

Я ещё не знала, сколько испытаний выпадет на нашу дружбу. Не знала, как сильно изменятся мои чувства и как много раз мне придётся выбирать между тем, чего желает сердце, и тем, что диктует разум.

Но я была счастлива.

И это счастье было простым, почти незаметным.

***

Когда Изабелла ушла, я осталась одна.

Элис помогла мне распустить волосы и снять платье. Я сняла жемчужную подвеску и положила её на столик возле кровати. В комнате стало тихо, если не считать потрескивания дров и далёких шагов за дверью.

Я подошла к окну.

Лондон лежал под ночным небом, и кое-где в домах ещё горели огни. Я подумала о Роузхолле, о белых розах, о том, что отец, вероятно, уже получил моё письмо. Мне хотелось написать ему снова, рассказать о королеве, о новой подруге, о том, как постепенно я привыкаю к жизни при дворе.

Я вернулась к столику и взяла небольшой лист бумаги, но перо так и осталось нетронутым.

Вместо письма я вновь подумала о Генрихе.

Его лицо возникло в памяти неожиданно ясно: тёмные волосы, внимательный взгляд, улыбка, которая казалась одновременно дружелюбной и властной. Я вспомнила наш разго-

вор о музыке и то, с каким интересом он слушал мои ответы.

Мне хотелось узнать, какую мелодию он имел в виду, когда говорил о своей матери. Хотелось однажды услышать, как он играет или поёт. Хотелось продолжить разговор, который вчера оборвался слишком рано.

Я не считала это опасным.

Он был королём, а я — молодой придворной дамой. Мне казалось естественным испытывать любопытство к человеку, чья жизнь так отличалась от моей. Я не строила планов и не мечтала о невозможном. Я просто хотела узнать его лучше.

Тогда я ещё не понимала, что при дворе даже самое невинное любопытство может стать началом истории, которую уже невозможно остановить.

Я погасила свечу и легла в постель.

Завтра меня снова ждала служба при Екатерине Арагонской. Новые письма, новые лица, новые правила, которые предстояло запомнить.

Я закрыла глаза, уверенная, что постепенно нахожу своё место в огромном дворце.

И всё же, прежде чем уснуть, я ещё раз вспомнила улыбку короля.

Я не знала, что именно она однажды станет для меня и самым сладким воспоминанием, и одной из самых тяжёлых ран.

Глава IV. "Величие и одиночество"

"Воспоминание".

У времени есть странное свойство: оно позволяет нам помнить не только лица и слова, но и то, чего мы тогда не сумели понять. Я долго считала Екатерину Арагонскую женщиной, которой судьба подарила всё, о чём другие могли лишь мечтать. Корону, дворец, почести, имя, которое произносили с почтением. И только позднее я поняла, как мало всё это говорит о счастье.

В те дни я ещё не знала, что величие иногда становится самой тяжёлой ношей. И что за закрытыми дверями королевских покоев может скрываться одиночество, о котором не принято говорить вслух.

Утро в Уайтхолле началось с привычного шума.

За высокими окнами медленно светлело небо, над крышами дворца поднимался лёгкий туман, а во внутренних галереях уже слышались торопливые шаги слуг. Где-то звякнула посуда, вдалеке раздался приглушённый голос распорядителя, отдававшего распоряжения к предстоящему дню. Дворец просыпался, словно огромный живой организм, в котором каждому человеку отводилось своё место.

Я стояла перед зеркалом, пока Элис поправляла складки моего платья. Сегодня я выбрала наряд из светлой ткани с золотистой вышивкой по рукавам. Волосы были аккуратно

убраны, несколько свободных прядей мягко обрамляли лицо. И я снова оделу подвеску матери.

Я коснулась её кончиками пальцев. Это движение давно стало для меня привычным: стоило оказаться в незнакомом месте или почувствовать тревогу.

— Вы сегодня особенно задумчивы, миледи, — заметила Элис, поправляя последнюю складку у плеча.

Я слабо улыбнулась, хоть и улыбка вышла не совсем убедительной.

— Наверное, я всё ещё привыкаю к дворцу.

— К дворцу или к людям, которые в нём живут?

Я обернулась к ней. Элис позволила себе едва заметную улыбку, но в её взгляде не было насмешки.

— Пожалуй, ко всему сразу, — ответила я.

Вскоре за мной пришли, сообщив, что королева желает видеть меня после утренней молитвы. Я почувствовала лёгкое волнение. За последние дни мне уже довелось несколько раз находиться рядом с Екатериной, однако каждый раз я ощущала себя так, будто должна была заново вспоминать все правила поведения.

Теперь же мне предстояло провести с ней больше времени, и эта мысль одновременно радовала и тревожила.

В покоях Екатерины царила особая тишина.

Здесь не было места для суеты, которая сопровождала короля во время его появления. Слуги говорили негромко, придворные дамы передвигались осторожно, а каждый пред-

мет словно занимал своё определённое место. Тяжёлые ткани украшали стены, у окна стоял небольшой стол с книгами и письмами, а рядом с молитвенником лежали чётки.

Екатерина сидела за столом. На ней было платье темного цвета, расшитое алыми розами. Тёмные волосы скрывал привычный испанский капор, украшенный жемчугом. Её осанка оставалась безупречной, а лицо сохраняло то спокойное достоинство, которое я замечала всякий раз, когда видела королеву.

Однако сегодня я обратила внимание на другое.

Она выглядела уставшей.

Не так, чтобы это мог заметить каждый, но достаточно, чтобы увидеть тому, кто находился рядом. В её движениях чувствовалась некоторая медлительность, а возле глаз залегли глубокие тени. И всё же, когда она подняла на меня взгляд, лицо её озарила приветливая улыбка.

Я присела в реверансе.

— Доброе утро, Ваше Величество.

— Доброе утро, леди Роза. Подойдите, дитя моё. Сегодня нам не придётся торопиться.

В её голосе звучала такая естественная мягкость, что я невольно почувствовала себя спокойнее.

На столе перед королевой лежали несколько писем, перевязанных лентами. Некоторые были уже раскрыты, другие всё ещё сохраняли печати. Рядом находилась небольшая шкатулка из тёмного дерева с серебряной отделкой.

Екатерина заметила мой взгляд.

— Письма из Испании, — пояснила она. — Иногда мне кажется, что они приходят из другой жизни.

Она сняла ленту с одного из посланий и осторожно развернула лист. Я заметила, как изменилось её лицо, когда она пробежала глазами первые строки. В нём появилось что-то мягкое, почти девичье.

— Там всё ещё помнят меня прежнюю, — сказала она. — Для них я остаюсь той девушкой, которая когда-то покинула родной дом, чтобы отправиться в Англию.

— Наверное, им трудно привыкнуть к тому, что теперь вы королева, — осторожно заметила я.

Екатерина улыбнулась.

— Возможно. Но, знаете, леди Роза, иногда мне самой трудно привыкнуть к этому.

Она отложила письмо и коснулась крышки шкатулки.

— Здесь хранятся несколько вещей, которые я привезла с собой много лет назад. Они не представляют большой ценности для казны или королевства, но для меня значат гораздо больше, чем многие драгоценности.

Она открыла шкатулку. Внутри лежали небольшая брошь, несколько лент и старый медальон. Вещи выглядели скромно рядом с богатством, окружавшим королеву, но Екатерина смотрела на них с такой нежностью, что я невольно почувствовала уважение к этим маленьким сокровищам.

— Я сохранила их ещё с тех времён, когда была совсем

юной, — продолжила она. — Тогда я не знала, какой окажется моя жизнь. Мне казалось, что впереди только путешествие, новые лица и новая страна.

— Вы скучаете по Испании, Ваше Величество?

Она не ответила сразу. Взяла в руки медальон, осторожно провела пальцем по его поверхности и только потом посмотрела на меня.

— Иногда очень сильно. Но дело не только в стране. Я скучаю по людям, которых больше не могу увидеть так часто. По голосам, которые слышала каждый день. По тем временам, когда мне не нужно было думать о каждом слове и каждом решении.

Я почувствовала, что передо мной открывается нечто гораздо более личное, чем обычная беседа между королевой и её придворной дамой.

— Наверное, трудно оставить всё это позади, — произнесла я.

— Трудно. Но ещё труднее понять, что некоторые вещи уже невозможно вернуть. Даже если ты сохранила письма, подарки и воспоминания.

Её пальцы задержались на медальоне.

— Когда я была моложе, мне казалось, что корона принесёт мне уверенность. Что с ней я смогу защитить всё, что люблю. Но корона не может остановить время и не может вернуть тех, кого мы потеряли.

Я опустила глаза. Мне вспомнилась мать, её сад и белые

розы в Роузхолле.

— Я тоже храню вещи, которые напоминают мне о матери, — тихо сказала я. — Иногда мне кажется, что, если я перестану к ним прикасаться, воспоминания станут менее четкими.

Екатерина посмотрела на жемчужную подвеску у меня на шее.

— Вы носите её каждый день?

— Да, Ваше Величество.

Королева чуть заметно кивнула.

— Тогда берегите её. Но помните, что любовь к тем, кого больше нет рядом, живёт не только в вещах. Она остаётся в том, чему они нас научили.

Я почувствовала, как к горлу подступил комок.

— Я постараюсь помнить об этом.

Екатерина закрыла шкатулку и на мгновение задержала ладонь на её крышке.

— Иногда мне кажется, что люди видят во мне только королеву. Они обращаются ко мне с просьбами, ждут решений, склоняются передо мной. Но очень редко кто-нибудь спрашивает, о чём я сама думаю.

Она произнесла это спокойно, без жалобы. И всё же в её голосе слышалась усталость, которую невозможно было спутать с обычным утомлением.

Я не знала, что ответить. Мне хотелось сказать, что она не одинока, что рядом с ней есть люди, которые её любят и

уважают. Но я не могла знать, насколько искренни чувства каждого из них.

Поэтому я просто сказала:

— Мне было бы приятно послушать вас, Ваше Величество. Если когда-нибудь вы захотите рассказать о том, что помните.

Екатерина посмотрела на меня с лёгким удивлением. Затем её лицо смягчилось.

— Вы очень добры, Роза.

Она впервые назвала меня по имени без обращения, и от этого простого слова мне стало особенно тепло.

Позднее Екатерина предложила мне сопровождать её во время небольшой прогулки по внутренней галерее. Мы шли неторопливо, и я старалась держаться на положенном расстоянии, хотя королева несколько раз сама обращалась ко мне, словно желая избавить от излишней скованности.

Она расспрашивала меня о моём воспитании, о книгах, которые я предпочитала, и о музыке. Когда я упомянула, что умею играть на лютне и клавесине, Екатерина оживилась.

— Музыка всегда была мне приятна, — сказала она. — В ней есть нечто удивительное. Она может соединить людей, которым порой не удаётся понять друг друга словами.

Я рассказала, что иногда играла в Роузхолле вечерами, когда отец оставался в кабинете, а мать занималась рукоделием. Воспоминание вызвало улыбку, и на несколько мгновений я словно снова оказалась дома.

Королева слушала внимательно, не перебивая. Мне показалось, что ей нравилось не столько само содержание моих рассказов, сколько то, с какой нежностью я говорила о родителях.

У одной из дверей нас встретила пожилая придворная дама. Она поклонилась Екатерине и сообщила, что несколько писем ожидают её ответа. Королева приняла бумаги, но прежде чем вернуться к своим покоям, заметила, что одна из младших служанок стоит в стороне с опущенной головой.

— Что случилось? — спросила Екатерина.

Девушка заметно смутилась и попыталась уверить королеву, что всё в порядке. Однако было видно, что она едва сдерживает слёзы. Оказалось, что утром она разбила небольшую чашу, за которую отвечала, и теперь боялась наказания.

Екатерина выслушала её, не повышая голоса. Она не стала делать вид, будто проступок ничего не значит, но и не позволила страху девушки превратиться в унижение.

— Впредь будьте внимательнее, — произнесла королева. — Вещи можно заменить, но честность человека гораздо труднее вернуть, если однажды он решит скрывать свои ошибки.

Девушка поспешно поблагодарила её и ушла.

Я смотрела ей вслед, поражённая тем, насколько просто Екатерина могла проявить строгость и милосердие одновременно.

— Вы не боитесь, что люди станут пользоваться вашей

добротой? — спросила я, когда мы остались одни.

Королева посмотрела на меня с лёгкой улыбкой.

— Разумеется, боюсь. Доброта не означает, что следует закрывать глаза на чужие поступки. Но если человек однажды ошибся, это ещё не делает его дурным человеком. Важно понять, что он сделает после своей ошибки.

Я запомнила эти слова. Тогда они показались мне простым наставлением, но впоследствии я не раз вспоминала их, когда видела, как легко при дворе человека судили по одному неверному шагу.

В тот же день мне довелось увидеть королеву Екатерину в большом зале во время приёма.

Она сидела на возвышении, принимая приветствия придворных и выслушивая обращения. В её присутствии всё вокруг словно становилось более торжественным. Даже те, кто ещё недавно оживлённо разговаривал, теперь говорили тише и выбирали слова осторожнее.

Я стояла неподалёку вместе с другими дамами, когда в зал вошёл Генрих.

Его появление невозможно было не заметить. Разговоры постепенно стихли, несколько придворных поспешили приблизиться, а королевские служители освободили ему дорогу. На нём был тёмный камзол, украшенный золотой вышивкой. Он улыбался, приветствуя присутствующих, и казался совершенно непринуждённым.

Королева поднялась ему навстречу.

Генрих взял её руку и склонился, чтобы коснуться её губами. Это был привычный жест, исполненный придворной учтивости. Екатерина ответила ему спокойной улыбкой, и со стороны они выглядели так, как и полагалось королю и королеве.

Но я заметила, что их разговор был недолгим.

Генрих произнёс несколько слов, Екатерина ответила, после чего король повернулся к одному из своих приближённых. Вскоре вокруг него снова собрались придворные.

Я не собиралась следить за ним. Мне было бы неловко признаться даже самой себе, что я невольно искала его взгляд после нашей последней встречи. Но когда он повернулся в мою сторону, я почувствовала, как сердце на мгновение сбилось с привычного ритма.

Его взгляд задержался на мне.

Не дольше нескольких мгновений, но достаточно, чтобы я поняла: он узнал меня.

Я поспешно опустила глаза и сделала вид, что рассматриваю узор на собственном рукаве. Внутри поднялось странное чувство — смесь смущения и тревоги, которую я не могла объяснить.

Когда я вновь посмотрела в сторону короля, он уже беседовал с другими придворными.

И всё же я продолжала ощущать его взгляд, словно он оставил после себя едва заметный след.

— Вы сегодня очень внимательно изучаете узоры на своём

платье, миледи.

Я вздрогнула и обернулась. Рядом стояла Изабелла. На её губах играла знакомая улыбка, а в глазах светилось нескрываемое любопытство.

— Я вовсе не изучаю узоры, — тихо ответила я.

— Разумеется. Вы просто нашли их необычайно интересными именно в тот момент, когда Его Величество посмотрел в вашу сторону.

Я бросила на неё предупреждающий взгляд, но Изабелла лишь чуть приподняла брови.

— Не смотрите на меня так, Роза. Я ничего не говорила. Только заметила, что вы внезапно стали очень внимательны к собственному платью.

Я почувствовала, как щёки заливает румянец.

— Ты придаёшь слишком большое значение случайному взгляду.

— Возможно, — согласилась она, и на этот раз в её голосе не было насмешки. — Но при дворе даже случайные взгляды иногда замечают слишком многие.

Её слова заставили меня вновь посмотреть на Екатерину.

Королева беседовала с одной из дам, и её лицо оставалось спокойным. Она не выглядела ни встревоженной, ни рассерженной. Я не знала, заметила ли она внимание Генриха, но вдруг почувствовала неловкость, которой прежде не испытывала.

Мне казалось несправедливым, что я должна смущаться

из-за взгляда мужчины, который был мужем этой великой женщины.

И всё же я не могла отвечать за то, куда он смотрел.

Позже, когда приём закончился, Екатерина пригласила меня остаться в её покоях. Она хотела обсудить несколько дел, связанных с младшими придворными дамами, и попросила меня передать одной из них необходимые распоряжения.

Я слушала внимательно, стараясь запомнить каждую мелочь. Королева говорила спокойно, но в её словах чувствовалась привычка замечать то, что другие могли упустить.

— При дворе, леди Роза, важно не только исполнять поручения, но и понимать людей, которые находятся рядом с вами. Кто-то будет искать вашей дружбы, кто-то — вашего расположения, а кто-то станет ждать вашей ошибки. Не позволяйте чужому мнению определять вашу ценность.

Я подняла на неё глаза.

— Я постараюсь, Ваше Величество.

— Не нужно стараться быть безупречной. Достаточно оставаться честной с собой и помнить, что достоинство человека не зависит от того, насколько высоко он стоит в глазах других.

Она произнесла эти слова так просто, будто говорила о чём-то давно известном. Но я почувствовала, что за ними стоит не только мудрость, но и личный опыт.

Мне захотелось спросить, всегда ли ей удавалось следо-

вать собственному наставлению. Хотелось узнать, случалось ли ей самой сомневаться, бояться, чувствовать себя одинокой среди людей, которые каждый день склоняли перед ней головы.

Но я не решилась.

Когда я поднялась, чтобы попрощаться, Екатерина остановила меня мягким жестом.

— Я рада, что вы оказались в моей свите, Роза. Надеюсь, со временем вы почувствуете себя здесь свободнее.

— Вы очень добры ко мне, Ваше Величество. Я постараюсь оправдать ваше доверие.

Королева улыбнулась, и на этот раз в её улыбке было что-то почти материнское.

— Не забывайте, дитя моё, что служба не должна отнимать у вас саму себя.

Я поклонилась и вышла из покоев, унося с собой странное чувство тепла и печали.

На следующее утро я ещё не успела закончить завтрак, когда Элис сообщила, что ко мне пришёл королевский посыльный.

— Для вас передали письмо, миледи.

Она протянула мне небольшой свёрток, перевязанный тонкой лентой. На воске красовалась королевская печать.

Я на мгновение замерла.

— От кого?

— От Его Величества, — тихо ответила Элис.

Я осторожно приняла свёрток. Королевская печать казалась непривычно тяжёлой в моей руке. Я дождалась, пока посыльный уйдёт, и лишь тогда разломила воск.

Внутри лежал сложенный лист плотной бумаги. Между его страницами была вложена белая роза — свежая, с нежными лепестками и тонким ароматом. Её стебель был аккуратно обёрнут влажной тканью, чтобы цветок не завял в дороге.

Я осторожно подняла розу и развернула письмо.

«Леди Роза,

Я хотел поблагодарить вас за наш недавний разговор.

Вы напомнили мне о времени, которое я давно не вспоминал с такой ясностью. О моей матери, о её голосе, о тех простых мгновениях детства, которые порой оказываются дороже всех почестей, доставшихся человеку во взрослой жизни.

Странно, как несколько слов могут вернуть воспоминания, которые, казалось, давно затерялись среди забот и обязанностей.

Я нечасто говорю о подобных вещах, но с вами мне было легко это сделать. Надеюсь, вы не сочтёте это чрезмерной откровенностью.

Я заметил, что вы с особой нежностью говорите о своей матери и о белых розах, которые она любила выращивать. Поэтому посылаю вам одну из них. Пусть она напомнит вам о доме и о тех, кого мы продолжаем любить, даже когда их

больше нет рядом.

С благодарностью,

Генрих».

Я прочитала письмо один раз. Потом ещё раз.

Король благодарил меня за разговор о своей матери. Не за танец, не за мою улыбку и не за внимание, которое я невольно привлекла в последние дни. Он благодарил за воспоминания, которые я помогла ему вернуть.

Я провела пальцем по краю письма и посмотрела на белую розу.

Она напомнила мне о саде Роузхолла, о матери и о тихих утрах, когда мы вместе обходили цветущие кусты. Мне вдруг показалось, что Генрих каким-то образом сумел понять то, что я сама редко объясняла другим.

Я не знала, почему он выбрал именно этот цветок. Возможно, просто запомнил мои слова. Но от этой маленькой внимательности мне стало тепло.

— Красивый цветок, миледи, — заметила Элис, взглянув на розу.

— Да, — тихо ответила я. — Очень красивый.

— От Его Величества?

Я кивнула.

Элис не стала задавать новых вопросов. Она лишь помогла мне найти небольшой сосуд с водой, в который я осторожно поставила цветок.

Я сложила письмо и убрала его в шкатулку, рядом с под-

веской матери.

Белая роза стояла на столике, освещённая утренним солнцем. Я долго смотрела на неё, не решаясь вернуться к своим делам.

Тогда я ещё не понимала, что иногда самые значимые перемены начинаются с жестов, которым мы не придаём особого значения.

Вечером, оставшись одна, я долго сидела в своих покоях.

Во дворе зажигали фонари, и их огоньки отражались в тёмных стёклах. Где-то вдалеке играли музыканты, доносился смех придворных, а по галерее проходили слуги с подносами. Дворец продолжал жить своей привычной жизнью.

Я думала о Екатерине.

О её спокойствии, о письмах из Испании, о маленькой шкатулке с вещами, которые она хранила много лет. Теперь я понимала, что за её величественной осанкой скрывалась женщина, которая скучала по дому, помнила близких и порой чувствовала себя одинокой.

Мне казалось, что я начинаю понимать, почему её так уважают. Но теперь я видела в ней не только королеву. Я видела женщину, которая не перестала быть дочерью Испании, несмотря на то, что стала королевой Англии.

Но вместе с тем я не могла забыть письмо Генриха.

Я достала его из шкатулки и ещё раз перечитала последние строки. Рядом лежала белая роза, уже начавшая медленно раскрывать лепестки.

Я не знала, что означало это внимание. Возможно, король просто хотел поблагодарить меня за разговор. Возможно, ему действительно было приятно встретить человека, с которым он мог говорить о матери без необходимости скрывать свои чувства.

Мне хотелось верить именно в это.

Я не искала внимания короля и уж точно не желала оказаться между мужем и женой. Мне было достаточно того, что я приехала сюда служить королеве, учиться и исполнять свои обязанности.

Я взяла в руки материнскую подвеску, а затем посмотрела на белую розу, присланную Генрихом.

Два воспоминания. Две матери. И два человека, которые, несмотря на своё положение, продолжали хранить в сердце любовь к тем, кого уже не могли обнять.

Вспомнился голос матери, которая когда-то говорила, что доброта не делает человека слабым, а достоинство не требует громких слов.

Я подумала, что Екатерина, вероятно, поняла это гораздо раньше меня.

И всё же, когда я легла спать, в памяти снова возник взгляд короля и его письмо.

Я ещё не знала, что однажды мне придётся выбирать между собственными чувствами и тем, что я считала правильным. В тот вечер я лишь чувствовала, что дворец, который сначала казался мне прекрасным и величественным, посте-

пенно открывает другую сторону своей жизни.

За золотом, музыкой и блеском драгоценностей скрывались человеческие сердца.

И далеко не каждое из них было счастливо.

Глава V. «За маской величия»

Много лет спустя я поняла, что первые знаки внимания порой оказываются самыми опасными. Не потому, что в них непременно скрывается обман, а потому, что мы сами наделяем их смыслом, которого они ещё не имеют.

В двадцать лет мне казалось, что несколько искренних слов, написанных рукой короля, могут значить гораздо больше, чем он осмелился выразить на бумаге. Я помнила наш разговор, его необычную откровенность и то, с какой теплотой он отозвался о своей матери. Помнила и белую розу, присланную им в знак благодарности.

Я ещё не знала, что за мягкостью королевского голоса может скрываться непреклонная воля, а за вниманием монарха — целый мир правил, о которых молодую женщину никто не предупреждает.

Но тогда я всё ещё надеялась, что смогу понять его сама.

Утро выдалось тихим.

Свет пробивался сквозь тяжёлые занавеси, ложился на пол узкими полосами и постепенно освещал комнату. Элис уже успела разжечь камин и приготовить платье, но я всё ещё была в кровати, не торопясь начинать день.

Рядом лежало письмо Генриха.

Я уже не раз перечитывала его накануне. Теперь мне не требовалось снова раскрывать лист, чтобы вспомнить каж-

дую строку. Король благодарил меня за наш разговор, писал о матери, о детских воспоминаниях, которые редко возвращались к нему с такой ясностью, и признавался, что со мной ему было легко говорить о том, о чём он обычно предпочитал молчать.

Особенно долго я размышляла о последних строках.

Он заметил, с какой нежностью я говорила о матери и белых розах, которые она любила выращивать. И прислал мне одну из них, пожелав, чтобы цветок напоминал о доме и о тех, кого мы продолжаем любить, даже когда их больше нет рядом.

Я осторожно коснулась края письма.

В этих словах не было признания. Генрих не обещал мне ничего и не говорил о чувствах. Он лишь поделился воспоминанием и поблагодарил за то, что я невольно помогла ему вернуться к ним.

И всё же мне было приятно.

Не столько потому, что письмо прислал сам король, а потому, что в нём он показался мне человеком, способным помнить, скучать и говорить о своей утрате.

Я посмотрела на цветок и вспомнила сад дом. Мать часто говорила, что белые розы требуют терпения: их нельзя торопить, нельзя слишком усердно тревожить землю вокруг них. Нужно лишь заботиться о них и позволять им расти.

Я тогда не вполне понимала, зачем она повторяет это так часто.

Теперь же мне почему-то вспомнились именно эти слова.

— Миледи, вы снова задумались, — произнесла Элис.

Я подняла голову.

— Разве это запрещено?

— Нет, миледи. Но вы даже не притронулись к завтраку.

Я улыбнулась и отложила письмо.

— Тогда, пожалуй, не стоит заставлять кухню готовить его напрасно.

Элис посмотрела на цветок, затем на письмо, но ничего не спросила. Она умела замечать больше, чем говорила вслух.

Когда я закончила завтракать, в дверь постучали. На пороге появилась Изабелла.

— Доброе утро, Роза. Надеюсь, я не помешала вашему важному занятию?

— Какому именно?

Она посмотрела на столик с письмом, затем перевела взгляд своих проницательных глаз на меня.

— Судя по всему, чтению.

Я почувствовала, как щёки слегка заалели.

— Ты могла бы хотя бы сделать вид, что не замечаешь.

— Могла бы. Но тогда мне пришлось бы лишить себя удовольствия наблюдать твое смущение, — хмыкнула подруга.

Изабелла сняла перчатки и устроилась в кресле напротив.

— Я пришла узнать, как вы себя чувствуете.

— Прекрасно.

— Это ответ человека, который не хочет отвечать.

— А ты пришла задавать вопросы или завтракать?

— Одно другому не мешает.

Она улыбнулась, но вскоре её выражение стало серьёзнее.

— Роза, я хочу поговорить с вами о короле.

Я опустила глаза и тяжело вздохнула, эти разговоры и предупреждения нравятся мне все меньше.

— Я догадывалась.

— Тогда не стану ходить вокруг да около. Вы должны знать, что его внимание не всегда означает то, что женщине хочется в нём увидеть.

— Я помню твои предупреждения.

— Хорошо. Но теперь я хочу, чтобы вы понимали не только то, что он король, но и то, каким человеком он бывает.

Изабелла ненадолго задумалась.

— При дворе давно говорят о его прежних увлечениях. До вас были другие женщины. Некоторые оставались рядом с ним недолго, другие получали подарки и расположение, но ни одна из них не могла быть уверена, что завтра король не обратит внимание на кого-нибудь ещё.

— Ты говоришь так, словно это никого не удивляет.

— Потому что здесь уже привыкли удивляться гораздо более странным вещам.

Она чуть наклонилась ко мне.

— Вы ведь слышали об Элизабет Блаунт?

Я кивнула.

— Да. Мне известно, что у короля есть сын.

— Генри Фицрой. Он родился несколько лет назад. Его мать — Элизабет Блаунт.

— И король признаёт его?

— Насколько мне известно, да. Его существование не является тайной для двора и страны, а так же королевы. Но я не стану утверждать, что знаю все подробности отношений короля с его матерью.

Я молчала.

— А Мария? — спросила я наконец.

Изабелла посмотрела на меня внимательнее.

— Мария Болейн?

— Да.

— Их связь осталась в прошлом. Теперь она жена Уильяма Кэри и мать маленькой дочери. Но некоторые люди при дворе до сих пор помнят, как король прежде обращал на неё внимание.

— Ты думаешь, он может поступить со мной так же?

— Я думаю, что не следует заранее считать себя исключением из правил только потому, что король сегодня проявляет к вам любезность.

Я посмотрела на белую розу.

— Мне не хочется думать о себе как об одной из его бывших любовниц.

— И не нужно. Вы — это вы. Но король остаётся королём, Роза. И его положение даёт ему свободу, которой у вас нет.

Я почувствовала неприятный холод внутри.

— Ты считаешь, мне следует избегать его?

— Нет. Я считаю, что вам следует помнить о себе, когда он рядом.

Изабелла протянула руку и легко коснулась моей ладони.

— Я не хочу, чтобы вы перестали радоваться приятным вещам. Просто не отдавайте им больше власти над собой, чем они заслуживают.

Я кивнула.

Мне хотелось возразить, сказать, что она слишком осторожна, что король может быть внимательным не только из прихоти. Но слова не находились.

Возможно, потому, что какая-то часть меня уже задавала те же вопросы.

Позднее мне предстояло сопровождать одну из придворных дам в большой зал, где проходила очередная аудиенция.

Я не должна была участвовать в обсуждении дел короля. Моей обязанностью было оставаться рядом с королевской свитой и помогать дамам, если возникнет необходимость.

В зале было прохладно. Высокие окна пропускали рассеянный свет, а тяжёлые гобелены приглушали звуки голосов. У стены стояли несколько королевских служителей, неподалёку ожидали придворные, которым предстояло обратиться к Генриху.

Король находился возле длинного стола. Перед ним лежали бумаги, рядом стоял один из советников.

Я не собиралась прислушиваться к разговору, но голос

Генриха прозвучал так резко, что невольно привлёк моё внимание.

— Я уже давал вам распоряжение, лорд.

Советник склонил голову.

— Ваше величество, обстоятельства изменились. Я счёл необходимым—

— Вы сочли необходимым? — перебил Генрих.

Он положил ладонь на стол. В его лице не осталось и следа той лёгкости, с которой он обычно приветствовал придворных.

— Вы должны были исполнить приказ, а не решать за меня.

— Я не хотел проявить неуважение, сир.

— Тогда вам следовало помнить, кому вы служите.

В зале стало тихо.

Советник ещё раз поклонился. Генрих отвернулся к бумагам, словно разговор был окончен.

Я почувствовала, как внутри всё невольно напряглось.

Передо мной стоял тот же человек, который недавно улыбался мне, шутил и интересовался моей музыкой. Но сейчас его голос звучал иначе. Он не просил, не убеждал и не пытался объяснить свою волю. Он просто ожидал повиновения.

Через несколько минут к королю подошёл молодой паж с небольшим свёртком бумаг. Мальчик, должно быть, спешил, потому что один из листов выскользнул у него из рук и упал на пол.

Паж побледнел.

— Простите, ваше величество…

Генрих посмотрел на него. На мгновение мне показалось, что сейчас последует ещё один резкий выговор.

Но король лишь вздохнул.

— Поднимите бумаги. И в следующий раз держите их крепче.

Мальчик поспешно наклонился.

— Да, сир.

— Не дрожите так. Я не собираюсь вас казнить за лист бумаги.

Несколько человек едва заметно улыбнулись. Паж собрал бумаги и отступил.

Я смотрела на Генриха, пытаясь понять, какой из двух его поступков был настоящим.

Наверное, оба.

Он мог быть снисходительным, когда хотел, и беспощадно властным, когда считал это необходимым. И именно это сочетание делало его человеком, которого было трудно понять.

Я отвернулась прежде, чем он мог заметить мой взгляд.

После аудиенции я встретила Марию Болейн в одной из галерей.

Она стояла у окна и рассматривала небольшой вышитый платок. Увидев меня, улыбнулась.

— Леди Роза. Вы сегодня выглядите задумчивой.

— Кажется, при дворе это становится моей привычкой.

— Тогда вам стоит быть осторожнее. Некоторые привычки здесь замечают быстрее, чем хотелось бы.

Я улыбнулась и остановилась рядом.

Некоторое время мы говорили о повседневных делах. Мария рассказала, что получила письмо от мужа, а затем спросила, удалось ли мне привыкнуть к распорядку королевской службы.

Я ответила, что постепенно начинаю понимать, сколько всего зависит от точности и своевременности.

Мария кивнула.

— Это полезное умение. Особенно для женщины, которая находится рядом с королевой.

Я немного помолчала, а затем спросила:

— Леди Мария, могу ли я задать вам личный вопрос?

Она посмотрела на меня.

— Если вы готовы услышать ответ.

— Вы когда-нибудь жалели о том, что король обращал на вас внимание?

Мария не ответила сразу.

Она сложила платок и убрала его подальше.

— Жалеть о прошлом — занятие неблагодарное. Оно уже произошло, и изменить его нельзя.

— Но всё же?

Мария задумалась.

— Когда человек молод, ему приятно чувствовать себя особенным. Особенно если внимание оказывает тот, перед

кем склоняются все остальные. Поначалу кажется, что тебя заметили не случайно. Что в тебе есть нечто, чего нет в других.

Она посмотрела в окно.

— Но королевское внимание не делает женщину свободной. Иногда оно, напротив, лишает её возможности выбирать.

Я внимательно слушала.

— Я не хочу, чтобы вы думали, будто я несчастна, Роза. У меня есть муж, ребёнок и собственная жизнь. Моё прошлое не определяет меня целиком. Но я знаю, как легко принять расположение мужчины за обещание.

— А если он сам даёт повод надеяться?

Мария повернулась ко мне.

— Тогда тем более важно смотреть не только на слова. Нужно смотреть на поступки. И на то, что происходит, когда его желание меняется.

Я опустила глаза.

— Вы говорите так, словно знаете короля лучше многих.

— Я знаю лишь ту его сторону, которую мне довелось увидеть.

Она не стала рассказывать больше, и я не стала настаивать.

Впервые я подумала, что Мария не пытается предостеречь меня ради удовольствия или из ревности. Возможно, она просто не хотела, чтобы я совершила ошибку, о которой

потом пришлось бы жалеть.

— Благодарю вас, леди Мария.

Она улыбнулась.

— Не благодарите раньше времени. Возможно, однажды вы сами решите, что мои слова были излишне осторожными.

— Возможно.

— Но я надеюсь, что даже тогда вы вспомните этот разговор.

Во второй половине дня меня пригласили в покои Екатерины.

Королева сидела за небольшим столом. Перед ней лежали несколько писем, а рядом стояла шкатулка с печатью. Когда я вошла, она подняла голову и приветливо кивнула.

— Леди Роза, подойдите. У меня к вам есть небольшое поручение.

Я присела в реверансе.

— Слушаю, Ваше Величество.

Екатерина указала на несколько листов.

— В ближайшие дни к нашей свите присоединятся две молодые дамы. Одна прибыла из Йоркшира, другая — из семьи, которая прежде не служила при дворе. Им потребуется помощь, чтобы освоиться.

— Я буду рада помочь им, Ваше Величество.

— Мне хотелось бы, чтобы вы показали им распорядок ежедневной службы. Объяснили, когда следует присутствовать при моих покоях, кому передавать распоряжения и как

распределяются обязанности между дамами.

Я внимательно слушала.

— Не нужно пугать их множеством правил в первый же день, — продолжила королева. — Но важно, чтобы они понимали, насколько ценны точность и уважение к другим.

— Я позабочусь об этом.

Екатерина передала мне список имён и несколько записей.

— Вы уже немного освоились здесь. Думаю, вам будет легче понять, что может смутить тех, кто только прибыл.

Я приняла бумаги.

— Постараюсь оправдать ваше доверие.

— Я не сомневаюсь, что вы справитесь.

Королева вернулась к письмам, а я направилась к двери.

— Леди Роза, — позвала она.

Я обернулась.

— Не забудьте, что и вы когда-то были новенькой. Иногда достаточно вспомнить собственное смущение, чтобы помочь другому человеку.

— Я постараюсь помнить, Ваше Величество.

Екатерина улыбнулась и вновь склонилась над бумагами.

Выйдя из покоев, я почувствовала тихое удовлетворение. Мне нравилось, что королева доверяла мне не только присутствовать рядом, но и выполнять настоящие обязанности. Это помогало ощутить себя частью её свиты, а не случайной гостьей в огромном дворце.

В следующие дни мне предстояло познакомиться с двумя молодыми дамами, показать им помещения, объяснить распорядок и помочь разобраться в непривычных правилах.

Я уже начала мысленно составлять список того, что следовало им рассказать.

К вечеру дворец снова наполнился музыкой и голосами.

Я вернулась в свои покои позже обычного. Элис помогла мне снять платье, распустила волосы и приготовила ночную рубашку.

На столике всё ещё лежало письмо Генриха. Белая роза стояла рядом, хотя её лепестки уже начали немного опускаться.

Я подошла к столу и остановилась.

Утром этот лист казался мне почти драгоценным. Я читала его и думала о том, что король доверил мне воспоминания, которыми, по его собственным словам, редко делился с другими. Теперь же, после разговоров с Изабеллой и Марией, после увиденной аудиенции, я не могла смотреть на письмо с прежней безмятежностью.

Я взяла его в руки.

Слова Генриха по-прежнему казались искренними. Я не находила в них ни насмешки, ни притворства. Возможно, он действительно почувствовал облегчение, когда смог поговорить со мной о матери. Возможно, белую розу он послал именно потому, что хотел порадовать меня.

Но искренность одного мгновения ещё не означала обе-

щания на будущее.

Изабелла напомнила мне о прежних увлечениях короля. Мария рассказала о том, как легко женщина может принять внимание за обещание. А сама я сегодня увидела, как быстро меняется лицо Генриха, когда кто-то осмеливается поступить не по его воле.

Я медленно положила письмо на стол.

— Миледи, вы желаете, чтобы я убрала цветок? — спросила Элис.

Я посмотрела на розу.

— Нет. Пусть пока останется.

Элис кивнула и вышла, оставив меня одну.

Я ещё некоторое время стояла возле стола, затем достала молитвенник матери. Между страницами всё ещё хранилась небольшая сухая травинка, которую она когда-то положила туда сама. Я раскрыла книгу и провела пальцем по знакомым строкам.

Мне хотелось попросить Бога о ясности. Не о том, чтобы король продолжал обращать на меня внимание, и не о том, чтобы однажды выбрал именно меня. Я просила лишь не позволить собственным желаниям заглушить голос рассудка.

Я знала, что приехала в Уайтхолл служить Екатерине Арагонской. Знала, что у короля есть жена, и что его внимание может принести мне не только радость, но и неприятности.

И всё же я не могла притворяться, будто ничего не чув-

ствую.

Я закрыла молитвенник и погасила одну из свечей.

За окном медленно темнело. Где-то в глубине дворца ещё звучала музыка, и голоса придворных постепенно растворялись в ночной тишине.

Я легла, но сон не приходил.

Перед глазами снова возникло письмо. Потом — улыбка Генриха. Потом — белая роза, напоминавшая мне о доме, который остался далеко в Кенте.

Я ещё не любила короля.

Но уже начинала ждать, когда он снова вспомнит обо мне.

Теперь я знаю: в тот вечер я впервые попыталась отделить самого Генриха от того образа, который успела создать в своём воображении. Я ещё не понимала, насколько трудно будет провести эту границу. Мне хотелось верить, что за королевской властью скрывается человек, которого я однажды смогу узнать по-настоящему.

И всё же где-то глубоко внутри уже зародилось сомнение: возможно, узнать его будет гораздо легче, чем принять всё, что я о нём узнаю.

Глава VI.«В тени кардинала»

С годами я поняла, что не всякая власть нуждается в короне. Иногда человеку достаточно одного взгляда, чтобы заставить замолчать целый зал, одного слова — чтобы изменить чью-то судьбу, и одного присутствия — чтобы окружающие невольно выпрямили спины.

Тогда я ещё не знала, что настоящая сила при дворе редко бывает заметна сразу. Она не всегда сидит на троне и не всегда носит королевские цвета. Порой она облачена в алое, украшена драгоценным крестом и входит в зал так, словно весь дворец принадлежит ей.

Утро в Уайтхолле начиналось задолго до того, как королевские покои наполнялись голосами придворных.

Сначала просыпались слуги. Внизу, возле кухонь, уже раздавались шаги и звон посуды; из открытых дверей тянуло запахом свежего хлеба, горячей воды и дыма. Во внутреннем дворе конюхи выводили лошадей, проверяли сбрую и переговаривались между собой. Иногда сквозь закрытые ставни доносился стук колёс — кто-то из посыльных прибывал с ранними письмами.

Я проснулась от этих звуков.

В Роузхолле утро было другим. Там меня будило пение птиц в саду, шелест листвы за окном и негромкий голос матери, когда она просила служанку принести свежие цветы.

Здесь же день начинался с движения, которое, казалось, никогда не прекращалось.

Я повернулась к окну. Сквозь узкую щель между занавесями пробивался серый свет. Небо было затянуто облаками, и каменные стены внутреннего двора казались особенно холодными.

— Миледи, вы уже проснулись? — послышался голос служанки.

— Да, входи.

Она раздвинула занавеси и поставила на столик кувшин с водой.

— Сегодня утром вас ожидают две молодые леди. Мне велели передать, что они прибудут после завтрака.

Я вспомнила поручение Екатерины, данное накануне.

— Благодарю. Приготовь, пожалуйста, платье из зелёного шёлка.

Пока служанка помогала мне одеться, я думала о предстоящей встрече. Мне предстояло не просто показать девушкам дворец. Нужно было помочь им понять, как устроена жизнь при королеве, познакомить с другими дамами и объяснить правила поведения и порядок службы.

Я сама ещё недавно училась всему этому.

За завтраком Изабелла сидела напротив меня. Перед ней стояла тарелка с нарезанными грушами, к которым она, судя по всему, так и не притронулась. Время от времени она бросала на них недовольный взгляд.

— Я пытаюсь понять, почему на кухне решили, что всем нам непременно хочется есть груши на завтрак, — произнесла она, подцепив ложечкой кусочек фрукта.

Я опустила взгляд на собственную тарелку и сдержала улыбку.

— Возможно, они просто очень любят груши.

Изабелла посмотрела на меня с таким выражением, словно я сказала нечто совершенно нелепое.

— Тогда пусть едят их сами.

Она решительно отодвинула тарелку чуть дальше и взялась за чашку с напитком. Я не удержалась от смеха, прикрыв улыбку рукой.

— У тебя сегодня есть важные дела? — спросила Изабелла, осторожно поставив чашку на блюдце.

Я промокнула губы салфеткой и кивнула.

— Мне поручили помочь двум новым дамам освоиться.

— Ах да. Екатерина говорила об этом вчера.

Изабелла наконец отложила ложечку и чуть подалась ко мне, проявляя куда больше интереса, чем к своему завтраку.

— Они должны прибыть после завтрака, — продолжила я. — Надеюсь, не слишком растеряются. Сама помню, как непросто было разобраться во всех здешних порядках.

— Уверена, ты справишься, — сказала она, улыбнувшись. — Главное, не начинай знакомство с рассказа о том, как легко здесь заблудиться.

— Но ведь это правда.

— Именно поэтому не стоит пугать их заранее.

Я покачала головой, улыбаясь, и потянулась за чашкой. С Изабеллой даже обычный завтрак редко проходил спокойно.

— Ты уже беспокоишься о них, хотя ещё даже не познакомилась, — заметила она.

— Я помню, каково это — оказаться здесь впервые.

— Тогда постарайся не напугать их своими наставлениями.

— Я не собираюсь читать им длинные проповеди.

— Жаль. Я бы с удовольствием послушала.

Я покачала головой. Вскоре Изабеллу позвали к одной из старших дам. Мы обменялись улыбками, и я направилась к комнате, где должны были ждать новые придворные.

Когда я вошла, обе девушки стояли у окна. Высокая, светловолосая, держала руки сложенными перед собой и смотрела на дверь с явным волнением. Её спутница, чуть ниже ростом, рассматривала узор на занавесях, стараясь, по-видимому, не показывать, насколько сильно её интересовало всё вокруг.

Заметив меня, они поспешно обернулись и присели в реверансе.

— Доброе утро, миледи.

— Доброе утро. Надеюсь, вы хорошо отдохнули?

— Благодарим вас, — ответила высокая девушка. — Хотя я не уверена, что смогла бы заснуть, даже если бы очень старалась.

— Почему же?

Она смущённо улыбнулась.

— Всё здесь такое необычное. Я боялась, что утром не найду дорогу обратно.

— В таком случае вы уже успели узнать одну из особенностей Уайтхолла, — сказала я.

Девушки улыбнулись, и напряжение немного отступило.

— Позвольте представиться. Я леди Роза Уайт. А вы, если мне не изменяет память, леди Элис и леди Маргарет?

— Да, миледи, — ответила первая. — Я Элис, а это моя кузина Маргарет.

— Рада знакомству.

Я предложила им присесть. Некоторое время мы говорили о дороге, о семьях и о том, как девушки оказались при дворе. Элис приехала из поместья своих родственников в Сассексе. Маргарет до этого жила преимущественно в доме тётки и почти не бывала при королевском дворе.

Обе старались держаться достойно, но я замечала, как часто они переглядывались, когда разговор касался их новых обязанностей.

— Прежде чем мы отправимся осматривать дворец, хочу узнать, всё ли у вас готово для службы, — сказала я. — Вам выдали необходимые принадлежности?

Элис кивнула.

Маргарет же немного помедлила.

— Мне кажется, мне не хватает одной пары перчаток. Я

не знала, какие именно следует взять.

— Это легко исправить. Не стоит просить или покупать что-либо, пока вы не узнаете, что именно требуется. При дворе даже такие мелочи иногда имеют значение.

Я позвала служанку и попросила принести несколько пар. Пока Маргарет выбирала подходящие, мы с Элис поговорили о распорядке дня королевы.

— А если мы не успеем вовремя? — спросила она.

— Тогда нужно будет объяснить причину старшей даме, но лучше, конечно, не допускать подобного. При дворе время часто зависит не от нас. Королева может задержаться, приём может начаться позже, но вы должны быть готовы к назначенному часу.

— Это кажется непростым.

— Поначалу так и будет.

Я не стала говорить им, что сама ещё иногда путалась в расписании. Мне хотелось, чтобы девушки почувствовали себя увереннее, а не решили, будто я сомневаюсь в собственных знаниях.

Когда с перчатками было покончено, мы отправились осматривать помещения.

Я показывала им комнаты, где собирались дамы королевы, места для рукоделия и чтения, объясняла, куда обращаться за помощью и где можно оставить личные вещи. Мы несколько раз останавливались, потому что встречали знакомых придворных. Я представляла девушек, называла имена

и титулы, а затем давала им возможность самим поддержать разговор.

Одна из старших дам ограничилась коротким кивком, другая расспросила девушек об их семьях и родственных связях. Я заметила, как после последнего разговора Маргарет немного приободрилась.

Мы задержались возле высокого окна, из которого открывался вид на внутренний двор. По каменной дорожке проходили слуги с корзинами, а у конюшен двое конюхов спорили о чём-то, указывая на лошадь.

— Вы тоже так боялись, когда только приехали? — спросила Маргарет.

Я повернулась к ней.

— Боялась чего?

— Что не сумеете освоиться. Что скажете что-нибудь не то или не узнаете, кому следует поклониться.

Я улыбнулась.

— Да. Особенно в первые дни. Мне казалось, что все вокруг знают правила, которые мне ещё только предстоит выучить. Я боялась неправильно обратиться к кому-нибудь или случайно оказаться не в том месте.

— И что вы делали?

— Старалась внимательно смотреть и слушать. А когда не понимала, спрашивала.

— Значит, нам тоже можно обращаться к вам?

— Разумеется. Я не обещаю ответы на все вопросы, но

постараюсь помочь.

Маргарет улыбнулась, а Элис впервые за всё утро выглядела совершенно спокойно.

Мы продолжили путь.

К полудню девушки уже могли самостоятельно найти дорогу к своим комнатам. Я показала им ещё несколько помещений, объяснила, где они будут ожидать распоряжений королевы, и напомнила, что не следует покидать дворец без разрешения.

Когда мы наконец вернулись к исходной комнате, я почувствовала лёгкую усталость.

— Думаю, на сегодня достаточно, — сказала я. — Вам нужно немного отдохнуть и запомнить всё, что мы успели увидеть.

— Благодарим вас, миледи, — ответила Элис.

— Не благодарите меня раньше времени. Завтра вам предстоит первый полноценный день службы.

Маргарет улыбнулась.

— Постараемся не подвести вас.

— И не забывайте задавать вопросы.

Я проводила их до дверей и некоторое время смотрела вслед. Мне было приятно видеть, что девушки уже не казались такими испуганными, какими были утром.

В тот вечер я не стала задерживаться на общих приёмах. После ужина вернулась в свои покои, попросила служанку приготовить горячую воду и позволила себе немного отдох-

нуть. За окном постепенно темнело, а дворец ещё долго жил привычной суетой.

Перед сном я подумала, что, возможно, завтра девушки будут чувствовать себя немного увереннее.

Это была небольшая победа, но для первого дня вполне достаточная.

На следующее утро я проснулась от стука дождевых капель по подоконнику.

Погода переменилась. Ветер гнал облака над крышами, и временами дождь усиливался.

Я позавтракала в своих покоях и затем отправилась к королеве. По дороге встретила Элис и Маргарет. Обе выглядели заметно спокойнее, чем накануне.

— Доброе утро, миледи, — поздоровалась Элис.

— Доброе утро. Как прошёл ваш первый вечер?

— Хорошо, благодарим вас. Мы немного поговорили с другими дамами.

— И нашли дорогу обратно?

Маргарет улыбнулась.

— На этот раз без посторонней помощи.

— Значит, Уайтхолл уже начинает вам покоряться.

Они засмеялись.

Я попрощалась с ними и продолжила путь.

Екатерина в это утро готовилась к приёму. Несколько служанок раскладывали на столике принадлежности для рукоделия, другая поправляла складки её платья. Королева сиде-

ла возле окна и читала письмо.

Я дождалась, пока служанки закончат свои дела, и приблизилась.

— Ваше Величество, могу ли я доложить о новых дамах?

Екатерина отложила письмо.

— Разумеется, Роза. Как они освоились?

— Думаю, вполне хорошо. Леди Элис осторожна и внимательна, а леди Маргарет более любопытна. Обе стараются запомнить правила и уже познакомились с несколькими дамами.

— Вы довольны ими?

— Пока да. Им потребуется время, но я не заметила ничего, что могло бы вызвать беспокойство.

Королева слегка улыбнулась.

— Хорошо. Первые дни при дворе бывают непростыми. Особенно для тех, кто ещё не привык к тому, как много здесь зависит от простых слов и жестов.

— Я старалась объяснить им, что лучше спросить, если они в чём-то не уверены.

— Это разумно.

Она снова взяла письмо, но прежде чем вернуться к чтению, добавила:

— Вы хорошо поступили, что не оставили девушек одних. При дворе молодые женщины порой нуждаются не столько в наставлениях, сколько в человеке, к которому могут обратиться без страха.

— Я помню, как сама чувствовала себя в первые дни.

— И это, вероятно, помогает вам лучше их понимать.

Я поклонилась.

— Благодарю, Ваше Величество.

Королева задержала на мне взгляд.

— И не забывайте о себе, дитя. Заботясь о других, легко перестать замечать собственную усталость.

— Постараюсь помнить.

Когда я покинула покои, дождь уже почти прекратился. Я задержалась у окна в галерее и посмотрела на мокрые камни внутреннего двора. Я подумала, что день обещает быть спокойнее вчерашнего.

Однако Уайтхолл редко позволял надолго забыть о том, что здесь у каждого человека были свои дела.

К обеду в одной из комнат собрались несколько дам. Разговоры перемежались звоном посуды и негромкими просьбами служанкам. За столом обсуждали письма из поместий, предстоящие развлечения и последние распоряжения короля.

Изабелла сидела напротив меня. Она с большим интересом слушала рассказ одной из дам о неудачной поездке её родственника.

— Он уверял, что дорога займёт не больше двух дней, — говорила женщина. — Но из-за дождей и испорченных мостов они задержались почти на неделю.

— В таком случае ему следовало обещать не два дня, а

семь, — заметила Изабелла. — Тогда все были бы приятно удивлены.

Несколько дам рассмеялись.

Я тоже улыбнулась, но вскоре разговор перешёл к более серьёзным темам. Кто-то упомянул о встречах короля с советниками и о том, что в последнее время кардинал Уолси проводит с Генрихом немало времени.

— Его Преосвященство, кажется, всегда знает, где должен находиться король, — произнесла одна из женщин.

— И где должны находиться остальные, — добавила другая.

Я подняла глаза.

Имя кардинала звучало при дворе часто, но теперь я впервые обратила внимание на то, как менялся разговор при его упоминании. Никто не произносил о нём ничего откровенно дурного, однако в голосах некоторых дам слышалась осторожность.

Изабелла заметила мой взгляд, но ничего не сказала.

После обеда мы задержались у окна, пока служанки убирали со стола. За стеклом виднелся внутренний двор, по которому проходили придворные и слуги. Изабелла наблюдала за ними, лениво постукивая пальцами по подоконнику.

— Ты заметила, как изменился разговор, когда упомянули Уолси? — спросила она.

— Заметила. Ещё мгновение назад все говорили совершенно свободно, а потом резко замолчали.

— Просто внезапно вспомнили, что уши при дворе есть повсюду.

Я улыбнулась.

— Но почему его имя вызывает такую осторожность? Он ведь не король.

— Пока не король, — с усмешкой вставила Изабелла. — Хотя, судя по тому, как некоторые перед ним кланяются, им порой трудно вспомнить разницу.

— Ты считаешь, он настолько влиятелен?

— А ты сама не видела, как меняются лица придворных, когда он входит в зал? — Она повернулась ко мне и приподняла брови. — Ещё минуту назад человек мог быть совершенно уверен в собственной значимости, а потом появлялся кардинал, и тот начинал кланяться так низко, словно пытался отыскать что-то на полу.

Я рассмеялась.

— Ты преувеличиваешь.

— Возможно.

Она поправила складку на рукаве и снова посмотрела во двор.

— Я думаю, человек, к которому король прислушивается, может быть опаснее того, кто просто носит дорогую одежду и громко говорит о своей важности.

Я покачала головой, улыбаясь.

— Мне кажется, ты гораздо лучше меня понимаешь придворную жизнь.

— Не спеши делать такие выводы. Я просто умею замечать, когда разговор становится опасным, и вовремя вспоминать, что мне нужно поправить причёску.

— И это помогает?

— Иногда. Особенно если при этом выглядеть так, будто ты совершенно не слушала последние пять минут.

— Изабелла!

— Что? — Она невинно посмотрела на меня. — Я не призываю тебя обманывать. Просто не стоит торопиться высказывать каждую мысль, которая приходит в голову. Не все здесь умеют хранить чужие слова.

Я задумалась.

— А если я не привыкла скрывать свои мысли?

— Тогда придётся научиться хотя бы выбирать, кому их доверять. — Изабелла слегка толкнула меня плечом. — И, пожалуйста, начни не с тех, кто носит алое облачение и заставляет весь двор замирать при одном своём появлении.

— Ты говоришь так, будто уже успела нажить себе врагов.

— Я? Ни одного! По крайней мере, из тех, кто решился сообщить мне об этом лично.

Мы обе рассмеялись.

Но, когда смех стих, я вновь посмотрела в сторону коридора, где недавно видела кардинала. Уайтхолл постепенно переставал казаться мне просто большим дворцом, полным красивых залов, музыки и нарядных людей. За его стенами существовал свой порядок, свои опасности и свои правила,

о которых не рассказывали во время уроков хороших манер.

Мы ещё немного побеседовали, прежде чем разойтись по своим делам.

Во второй половине дня мне предстояло отнести королеве одну из книг, оставленную в соседней комнате. Я нашла нужный том, проверила, не забыли ли между страницами закладку, и отправилась обратно.

Я держала книгу обеими руками, стараясь не задеть проходивших мимо людей.

Именно тогда я впервые увидела кардинала Уолси достаточно близко.

Он шёл по галерее в алом облачении. Его сопровождали двое мужчин, державших документы. Кардинал двигался неторопливо, словно не замечал суеты вокруг. Но окружающие замечали его.

Один из придворных поспешил выпрямиться. Другой отступил к стене, освобождая дорогу. Третий, напротив, приблизился, чтобы обратиться к нему с поклоном.

Уолси остановился и выслушал мужчину. Я не могла разобрать слов, но видела, что кардинал отвечает спокойно и коротко. Его собеседник поклонился ещё раз и отступил, словно получил именно тот ответ, на который надеялся.

Я невольно замедлила шаг.

В нём не было той торжественной величавости, которую я привыкла замечать в короле. Его присутствие действовало иначе. Люди сами освобождали ему путь, сами искали его

внимания и сами старались не вызвать неудовольствия.

— Миледи? — тихо напомнила мне служанка, шедшая следом.

Я отвела взгляд.

— Да, конечно.

Мы продолжили путь.

Только теперь я понимала, что имя кардинала, которое так часто звучало в разговорах, принадлежало человеку, чьё влияние ощущалось даже там, где он не произносил ни слова.

Первую половину следующего дня я провела с королевой, помогая подготовиться к небольшому приёму. Екатерина собиралась принять нескольких придворных дам и попросила меня проверить, все ли приглашённые получили распоряжения.

Мне пришлось несколько раз пройти из одного крыла дворца в другое, уточнить время прибытия гостей и передать распоряжения служанкам.

Когда я закончила, то решила немного задержаться возле окна в галерее и услышала знакомые голоса.

Впереди шли король и несколько придворных. Рядом с Генрихом находился кардинал Уолси.

Король держал в руке небольшой свёрнутый документ и внимательно слушал, пока кардинал что-то объяснял ему.

Генрих выглядел сосредоточенным. Он не перебивал собеседника и не пытался перетянуть разговор на себя, как

иногда случалось во время придворных бесед. Уолси говорил спокойно, временами указывая на строки в документе.

В какой-то момент король поднял голову и задал вопрос. Кардинал ответил почти сразу.

Мне было непривычно видеть Генриха в такой роли — не как хозяина праздника или человека, чьё появление заставляло всех оборачиваться, а как государя, который действительно прислушивался к другому человеку.

Я не стала задерживаться и направилась дальше.

Вскоре мне пришлось вернуться к своим обязанностям, и увиденное постепенно отошло на второй план.

Решив немного отдохнуть, я прошла в галерею и услышала знакомый голос. Обернувшись, я увидела короля.

Генрих стоял у высокого окна и разговаривал с одним из придворных. Рядом с ним находился паж, державший несколько бумаг.

Я присела в реверансе.

— Ваше Величество.

Король повернул голову.

— Леди Роза. Вы, кажется, сегодня очень заняты.

— Королева поручила мне несколько дел, сир. Я помогаю ей подготовиться к приёму.

— Значит, у вас немало хлопот.

— Да, Ваше Величество. Но, надеюсь, всё будет готово вовремя.

Он слегка улыбнулся.

— Надеюсь, вы не позволяете новым дамам слишком пугаться придворных порядков?

— Стараюсь объяснить, что не всё так сложно, как кажется в первый день.

— Это разумно. Уайтхолл способен запутать даже тех, кто считает себя здесь хозяином.

Я позволила себе лёгкую улыбку.

Генрих тихо рассмеялся.

— Тогда не забывайте напоминать им об этом. При дворе и без того хватает людей, готовых заставить новичков нервничать.

Он произнёс это с лёгкой усмешкой и на мгновение посмотрел на пажа, стоявшего рядом. Тот едва заметно улыбнулся, но тут же опустил глаза.

— Передайте королеве мои пожелания доброго дня, — продолжил Генрих. — И скажите, что надеюсь увидеть её позднее.

— Обязательно, Ваше Величество.

— Хорошего вам дня, леди Роза.

— И вам, сир.

Король кивнул и направился дальше, а паж поспешил за ним.

Это был короткий, совершенно обычный разговор. Король узнал меня, вспомнил моё поручение и обменялся со мной несколькими вежливыми фразами. В этом не было ничего, что требовало бы особого толкования.

И всё же я отметила про себя, что он запомнил моё имя.

Не более того.

В тот же день ближе к вечеру во дворце началась подготовка к небольшому музыкальному собранию. В одной из комнат устанавливали пюпитры, слуги приносили свечи, а музыканты настраивали инструменты.

Мне поручили помочь одной из дам выбрать подходящие украшения. Она должна была присутствовать на вечере рядом с королевой и никак не могла решить, какие серьги подойдут к её платью.

Мы некоторое время обсуждали, стоит ли остановиться на жемчуге или выбрать небольшие золотые подвески. В итоге остановились на жемчуге.

— Благодарю вас, леди Роза, — сказала она, рассматривая себя в зеркале. — Я бы, вероятно, ещё долго не могла решить.

— Главное, чтобы вам было удобно.

Я уже собиралась уйти, когда из соседнего зала донеслась тихая музыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.